МЭРИ ЭЛИЗАБЕТ БРЭДДОН

АВРОРА ФЛОЙД

18+

Перевод Миланы Ивановой

Мэри Брэддон

Аврора Флойд

«Автор»
2026

Брэддон М. Э.

Аврора Флойд / М. Э. Брэддон — «Автор», 2026

Аврора Флойд - единственная дочь богатого банкира. Она любит лошадей, не считается со светскими условностями и привыкла сама решать свою судьбу. Но о прошлом, которое скрывает эта смелая девушка, не знает даже любящий отец.Новая любовь обещает Авроре счастье, пока в её жизнь не возвращается человек, способный всё разрушить. Тайные встречи, деньги и недоверие близких затягивают узел, который становится ещё туже после преступления.Викторианский роман о любви, семейной репутации, цене молчания и с детективной интригой.

© Брэддон М. Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Посвящение 5
Том первый 6
Глава 1. Как богатый банкир женился на актрисе 6
Глава 2. Аврора 14
Глава 3. Что стало с бриллиантовым браслетом 19
Глава 4. После бала 27
Глава 5. Джон Меллиш 34
Глава 6. Отказ и согласие 41
Глава 7. Странный подопечный Авроры 49
Глава 8. Бедняга Джон Меллиш возвращается 58
Глава 9. Как Тальбот Болстрод провёл Рождество 64
Глава 10. Борьба 70
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Мэри Брэддон
Аврора Флойд

Посвящение

Адмиралу и миссис Бэсден
С любовью и уважением
Автор

Том первый

Глава 1. Как богатый банкир женился на актрисе

В густой темноте кентских лесов то здесь, то там слабо проступают багряные полосы. Алый палец осени едва коснулся листвы — скупо, как художник, который лишь кое-где кладёт на полотно яркую краску. Но мирный пейзаж ещё озарён великолепием августовского заката; всё вокруг сияет в его лучах.

Окружающие леса и широкие луга, ровные, словно газоны; неподвижные пруды с прозрачной водой, аккуратные изгороди и гладкие извилистые дороги; волнистые гребни холмов, тающие в лиловой дали; домики работников, белеющие среди зелени; одинокие придорожные трактиры с бурыми соломенными крышами и покосившимися, поросшими мхом трубами; богатые усадьбы за вековыми дубами; крошечные готические здания, сторожки в швейцарском и деревенском вкусе; ворота между столбами, увенчанными каменными гербами и оплетёнными зелёными гирляндами плюща; сельские церкви и чинные школьные домики — всё в этом прекрасном английском пейзаже погружено в светящуюся дымку. Из сумрачных глубин леса и извилистых просёлков медленно выползают вечерние тени, и очертания деревьев и домов темнеют на фоне всё более багрового неба.

На широком *фасаде* огромного краснокирпичного дома, выстроенного в излюбленном стиле ранней георгианской эпохи, заходящее солнце задерживается особенно долго, заливая его роскошным сиянием. Длинные ряды узких окон пылают, и какой-нибудь добрый селянин, устало бредущий домой, раз-другой останавливается на дороге и смотрит через ровную ширь росистого газона и тихого озера. Уж слишком необычно горят эти стёкла; как бы и вправду не загорелся дом мистера Флойда.

Величественный краснокирпичный особняк принадлежит мистеру Флойду — так величают его на своём нехитром кентском *говоре* местные крестьяне; полное же имя владельца — Арчибальд Мартин Флойд, из знаменитого банкирского дома «Флойд, Флойд и Флойд», что на Ломбард-стрит, в лондонском Сити.

О банкирском доме крестьяне знают немного. Арчибальд Мартин, старший компаньон, давно отошёл от деятельного участия в делах, и теперь ими всецело ведают его племянники, Эндрю и Александр Флойд. Оба — солидные люди средних лет, отцы семейств, владельцы загородных домов; оба обязаны состоянием богатому дядюшке. Лет тридцать назад он определил их в свою контору — двух долговязых, костлявых, рыжеволосых, краснолицых шотландских юношей, только что прибывших из какой-то деревушки с непроизносимым названием к северу от Абердина.

Поступая в дядюшкину контору, молодые люди ещё подписывались «Макфлойд», но очень скоро последовали примеру мудрого родственника и отбросили грозную приставку.

— Незачем этим южанам знать, что мы шотландцы, — заметил Алик брату, впервые выводя короткую подпись: «А. Флойд».

В гостеприимной английской столице шотландский банкирский дом процветал на диво. Всякое начинание старинной и уважаемой фирмы «Флойд, Флойд и Флойд» сопровождалось небывалым успехом. Уже больше столетия она называлась именно так: когда один из её членов сходил со сцены, на старом дереве вырастала молодая ветвь. Ни разу ещё не приходилось менять троекратное повторение знакомой фамилии на медных дощечках, украшавших маятниковые двери красного дерева. На такую дощечку и указал Арчибальд Мартин Флойд, когда лет за тридцать до того августовского вечера, о котором я пишу, впервые привёл костлявых племянников в свою контору.

— Поглядите-ка, мальчики, — сказал он, — на эти три имени. Вашему дядюшке Джорджу за пятьдесят, и он холостяк — это первое имя. Наш двоюродный брат Стивен Флойд из Калькутты скоро собирается выйти из дела — это второе. Третье — моё, а мне, запомните, тридцать семь лет, и я едва ли стану делать глупости и жениться. Когда-нибудь понадобятся ваши имена, чтобы заполнить пустые места. Так смотрите же, берегите их честь. Оставите на них хоть пятнышко — и для этой медной дощечки они уже не сгодятся.

Быть может, суровые шотландские юноши приняли урок близко к сердцу; а быть может, честность была у Флойдов добродетелью врождённой. Как бы то ни было, ни Алик, ни Эндрю не посрамили предков. Когда Стивен Флойд, торговавший с Ост-Индией, вышел из дела, а дядюшка Джордж устал от банковских забот и предался строительству — подходящему увлечению для старого холостяка, — молодые люди заняли их места и взвалили всё дело на свои широкие северные плечи. Лишь в одном Арчибальд Мартин Флойд ввёл племянников в заблуждение, и это касалось его самого. Через десять лет после памятного наставления, в солидном возрасте сорока семи лет, банкир не только сделал глупость — женился, но и, если уж подобные вещи считать глупостями, пал ещё ниже с гордой высоты житейской мудрости: без памяти влюбился в красивую женщину без гроша за душой. Он привёз её из деловой поездки по промышленным округам и без особых церемоний представил родственникам и соседним кентским семействам как свою молодую жену.

Всё произошло так внезапно, что эти почтенные семейства ещё не успели оправиться от изумления, прочтя в левой колонке «Таймс» сообщение о браке «Арчибальда Мартина Флойда, банкира, проживающего на Ломбард-стрит и в Фелден-Вудсе, с Элизой, единственной оставшейся в живых дочерью капитана Проддера», — а дорожная карета новобрачного уже промчалась мимо готической сторожки у ворот, пронеслась по аллее и подкатила под большой каменный портик сбоку дома. Элиза Флойд вошла в особняк мужа, приветливо кивая растерянным слугам, выстроенным в холле для встречи новой госпожи.

Жена банкира была высокой молодой женщиной лет тридцати, со смуглой кожей и огромными сверкающими чёрными глазами. Благодаря этим глазам лицо её казалось ослепительно прекрасным; без них оно, пожалуй, осталось бы совсем неприметным.

Пусть читатель вспомнит одно из тех лиц, чья красота вся заключена в дивном свете великолепных глаз, и подумает, насколько сильнее всех прочих они умеют очаровывать. Разделите ту же меру красоты между правильным носом, розовыми пухлыми губами, соразмерным лбом и нежным цветом кожи — и получите обыкновенную красавицу. Но соберите её в одной точке, в чудесном сиянии глаз, — и перед вами богиня, Цирцея. Первую вы можете встретить в любой день своей жизни; вторую — лишь однажды за всю жизнь.

Вскоре после приезда жены в Фелден-Вудс — так называлось его имение — мистер Флойд дал обед и представил её местному дворянству. Покончив с этой церемонией без долгих затей, он больше не обсуждал свой выбор ни с соседями, ни с роднёй. А те с большим удовольствием узнали бы, как произошло столь неожиданное бракосочетание, и намекали на это счастливому новобрачному, но без всякого успеха.

Разумеется, молчаливость самого Арчибальда Флойда лишь усерднее развязала тысячу языков. В окрестностях Бекенхема и Уэст-Уикема, близ которых стоял Фелден-Вудс, едва ли оставалось хоть одно низкое и презренное сословие, к которому не причисляли миссис Флойд. Она была фабричной работницей: глупый старый банкир увидел её на манчестерской улице, с пёстрым платком на голове и коралловыми бусами на шее; босая, без чулок, она месила грязь. Увидел, тут же влюбился и сразу предложил ей руку. Она была актрисой, и он познакомился с нею на манчестерской сцене; нет, ещё ниже — она была жалкой комедианткой, разряженной в грязный белый муслин, красный хлопчатобумажный бархат и блёстки, и выступала в балагане с кучкой бродяг и учёной свиньёй. Порою говорили, будто она цирковая наездница и банкир впервые увидел её вовсе не в промышленных округах, а у Астли. Находились люди, гото-

вые присягнуть, что сами наблюдали, как она прыгает сквозь позолоченные обручи и пляшет качучу на шести неосёдланных лошадях на той усыпанной опилками арене. Шёпотом передавались и более жестокие слухи; я не смею даже записать их, ибо языки, столь беспощадно терзавшие доброе имя Элизы Флойд, были остры от злобы. Возможно, кое-кто из дам имел личные причины ненавидеть молодую жену. Не одна увядающая красавица в уютных кентских усадьбах подсчитывала доход банкира и выгоды брака с владельцем Фелден-Вудса.

Дерзкая, непутёвая особа, не наделённая даже красотой — ведь кентские девицы старательно не замечали чудесных глаз Элизы, зато строго судили её низкий лоб, сомнительный нос и широковатый рот, — эта хитрая, расчётливая вертихвостка в зрелом возрасте двадцати девяти лет, с волосами чуть ли не до бровей, сумела заполучить руку и состояние богатейшего человека в Кенте! Человека, который до сих пор был так неуязвим для любых атак сияющих глаз и розовых губ, что самые неутомимые маменьки-устроительницы отступились в отчаянии и перестали, подобно Альнашару[1], в мечтах расставлять мебель в краснокирпичном дворце мистера Флойда.

Женская половина общества негодовала, дивясь бездействию двух шотландских племянников и брата банкира, старого холостяка Джорджа Флойда. Почему эти люди не проявят хоть немного твёрдости? Почему не назначат освидетельствование на предмет помешательства и не упекут безумного родственника в сумасшедший дом? Поделом бы ему!

Разорившаяся *аристократия* Сен-Жерменского предместья не смогла бы поносить богатого бонапартиста с той лютой злобой, с какой эти люди без устали судачили о жене банкира. Что бы она ни сделала, всё становилось предметом пересудов. Уже на первом званом обеде, хотя Элиза осмелилась бы вмешаться в распоряжения повара и экономки не больше, чем гостья в Букингемском дворце, рассерженные гости нашли, что с появлением в доме «этой женщины» всё пришло в упадок. Они ненавидели удачливую авантюристку: ненавидели её прекрасные глаза и роскошные драгоценности — безумно дорогие подарки обожавшего её мужа; ненавидели её величавую фигуру и изящество движений, ничуть не выдававшие предполагаемого низкого происхождения; а больше всего ненавидели за наглость, с какой она нисколько не робела перед высокими особами того нового круга, в котором оказалась.

Если бы она смиренно проглотила все унижения, которыми эти семейства готовы были её потчевать; если бы целовала пыль на их аристократических башмаках, добивалась покровительства и позволяла «ввести себя в общество», — пожалуй, со временем её и простили бы. Но ничего подобного она не делала. Наносили ей визит — что ж, прекрасно: она встречала гостей с открытой, весёлой радостью. Они могли застать её в садовых перчатках, с растрепавшимися волосами и лейкой в руках за работой в оранжереях, и она принимала их так спокойно, словно родилась во дворце и с младенчества привыкла к почестям. Как бы холодно и вежливо они ни держались, она оставалась непринуждённой, откровенной, весёлой и добродушной. Болтала без умолку о «дорогом старом Арчи» — так она смела называть своего благодетеля и мужа; или показывала гостям новую картину, которую он купил, и дерзала — бесстыдная, невежественная, самонадеянная особа! — рассуждать об искусстве. Точно весь тот высокопарный жаргон, которым они надеялись её подавить, был ей знаком не хуже, чем члену Королевской академии. Когда этикет требовал ответить на торжественные визиты, она смело подкатывала к соседским дверям в крошечной плетёной колясочке, запряжённой одним косматым пони: этой расчётливой женщине вздумалось выказывать простоту вкусов и отвергать всякую пышность. Всё встречавшее её великолепие она принимала как должное, болтала и смеялась со своей вызывающей театральной живостью — к великому восторгу заблудших молодых людей. Те не умели оценить породистых прелестей её гонительниц, зато без конца говорили о славном нраве миссис Флойд и её великолепных глазах.

Знала ли бедная Элиза Флойд всё или хотя бы половину того жестокого, что о ней говорили? Сильно подозреваю, что она так или иначе умудрялась узнавать всё и даже находила в

этом немалую потеху. Она привыкла к жизни, полной волнений; без этих вечно новых скандалов Фелден-Вудс мог бы показаться ей скучным. Смущение врагов доставляло ей злорадное удовольствие.

— Как же они, должно быть, хотели выйти за тебя, Арчи, если так свирепо меня ненавидят! — говорила она. — Бедные бесприданницы, старые девы! Подумать только: я выхватила добычу у них из-под носа! Уверена, им ужасно обидно, что за брак с богатым человеком нельзя меня повесить.

Но банкир так мучительно переживал, когда обожаемая жена пересказывала сплетни, услышанные от горничной — верной сторонницы доброй и нетребовательной хозяйки, — что впредь Элиза скрывала от него эти вести. Её они забавляли, его ранили в самое сердце. Гордый и чувствительный, как почти все очень честные и добросовестные люди, он не мог вынести, чтобы хоть кто-нибудь смел марать имя женщины, которую он так нежно любил. Что за беда, из какой безвестности он взял её к себе? Разве звезда светит менее ярко оттого, что озаряет и сточную канаву, и тёмно-пурпурную грудь ночного моря? Разве добродетельная и великодушная женщина менее достойна уважения оттого, что вы нашли её за скудным заработком — единственным трудом, которым она умеет кормиться, — играющей Джульетту перед фабричными рабочими, каждый из которых платит три пенса за право восхищаться ею и рукоплескать?

Да, тайное должно стать явным: злопыхатели не во всём ошибались. Элиза Проддер была актрисой, и богатый банкир впервые увидел её на грязных подмостках второразрядного ланкаширского театра. Арчибальд Флойд питал к английской драме давнее, пусть и бездеятельное, но искреннее почтение. Да, к *английской* драме: ведь он жил во времена, когда она ещё была отечественной, когда «Джордж Барнуэлл» и «Джейн Шор» принадлежали к любимым произведениям театральной публики. Как печально, что с той классической поры мы так выродились и теперь так редко видим на сцене изящную историю Милвуд и влюблённого в неё подмастерья! И вот, проникнутый этим почтением к драматическому искусству, мистер Флойд, остановившись на ночь в заурядном ланкаширском городке, заглянул в пыльные ложи местного театра посмотреть «Ромео и Джульетту». Наследницу Капулетти представляла мисс Элиза Персивал, она же Проддер.

Не думаю, чтобы мисс Персивал была хорошей актрисой или могла когда-нибудь прославиться в своей профессии. Но у неё был глубокий мелодичный голос; слова автора звучали в нём полновесной, хоть и несколько однообразной музыкой, приятной слуху. А на сцене она была очень красива: её лицо освещало маленький театр лучше всего газа, который директор так скупо отпускал для своей немногочисленной публики.

В те времена ещё не вошло в моду переделывать Шекспира в «сенсационные» драмы. Не было «Гамлета» со знаменитой сценой на воде и датским принцем, который ныряет вниз головой спасать бедную помешавшуюся Офелию. В маленьком ланкаширском театре сочли бы ужасным попранием всех законов драматического искусства, если бы Отелло или его знаменосец попробовали сесть хотя бы в одном месте торжественного представления. Надежда Дании являлась не в облике скандинава в длинном одеянии, со светлыми развевающимися волосами, а в виде некоего господина в короткой, вылинявшей чёрной одежонке из хлопчатобумажного бархата, сшитой наподобие детского платья и расшитой стеклярусом. Бусины время от времени отрывались и на протяжении всего спектакля попадали актёрам под ноги. Эти бесхитростные исполнители полагали, что трагедия лишь тогда трагедия, когда решительно не похожа ни на что когда-либо случавшееся под солнцем. И Элиза Проддер терпеливо шла по старой проторённой дорожке: она была слишком добродушной, весёлой и беззаботной, чтобы глупо вмешиваться в вывихнутый ход времени, которое не ей было суждено вправлять.

Что же мне сказать о том, как она играла пылкую итальянскую девушку? На ней был белый атлас с блёстками; блёстки нашили на грязный подол в том твёрдом убеждении, общем

всем провинциальным актрисам, что блёстки — надёжное средство против грязи. В маленькой выбеленной комнате за сценой она смеялась и болтала ещё за минуту до того, как выбежать на подмостки и оплакать убитого родича и изгнанного возлюбленного. Говорят, Макреди начинал превращаться в Ришелье с трёх часов пополудни и с этой минуты до конца спектакля приближаться к нему или заговаривать было опасно. До того опасно, что на это, верно, мог решиться лишь тот дерзкий и заблудший джентльмен, который однажды встретил великого трагика в тёмном коридоре и приветствовал его словами: «Доброго утречка, Мак!» Но мисс Персивал не принимала ремесла так близко к сердцу. Ланкаширского жалованья едва хватало на возмещение телесных сил, потраченных на ранние репетиции и долгие спектакли; чем же оно могло возместить душевное истощение истинного художника, который живёт жизнью своего героя?

Беззаботные комедианты, с которыми играла Элиза, успевали обмениваться дружескими замечаниями о домашних делах в перерывах между самыми яростными угрозами; в паузах сцен слышным шёпотом подсчитывали выручку, и, когда Гамлету требовалось подвести Горацио к рампе и спросить: «Ты это заметил?», вполне могло оказаться, что доверенный друг принца стоит в глубине сцены и рассказывает Полонию, как бесстыдно квартирная хозяйка ворует у него чай и сахар.

Нет, банкир был пленён вовсе не игрой мисс Персивал. Арчибальд Флойд понимал, что она была из худших актрис, когда-либо исполнявших главные трагические и комические роли за двадцать пять шиллингов в неделю. Ему случалось видеть в той же роли мисс О'Нил, и восторг фабричной публики перед сценой с ядом вызывал у него лишь снисходительную улыбку. И всё же он влюбился. Повторилась старая история: вновь Артур Пенденнис в маленьком чаттерисском театре был околдован и сражён мисс Фотерингей. Только теперь это был не ветреный, впечатлительный мальчик, а трезвый, благоразумный деловой человек сорока семи лет. До той ночи ни одно женское лицо не заставило его сердце дрогнуть. До той ночи; а с той ночи во всём мире для него осталось лишь одно существо, и у жизни была лишь одна цель. Он пришёл в театр на следующий вечер, и ещё на следующий; потом сумел свести знакомство с несколькими актёрами в соседнем трактире. Эти потёртые комедианты обирали его без пощады: позволяли оплачивать несчётные стаканы бренди с водой, льстили, обхаживали и выведали всю его сокровенную тайну. Затем вернулись к Элизе Персивал и сообщили, что ей привалило счастье: какой-то старый господин с уймой денег втрескался в неё по уши, и, если она правильно поведёт игру, он женится на ней хоть завтра. Сквозь дырку в зелёном занавесе ей показали, как он сидит почти один в обшарпанной ложе и ждёт начала пьесы, чтобы снова увидеть сияние её чёрных глаз.

Элиза посмеялась над своей победой. Такие победы случались и прежде и всякий раз кончались одинаково: покупкой ложи на её бенефис или букетом, оставленным у служебного входа. Она не знала силы первой любви в сорокасемилетнем мужчине. Не прошло и недели, как Арчибальд Флойд со всей серьёзностью предложил ей руку и сердце.

Он многое услышал о ней от товарищей по сцене и не услышал ничего дурного. Об искушениях, которым она не поддалась; о коварных подношениях драгоценностей и безделушек, с негодованием отвергнутых; о тихих, по-женски добрых делах, совершённых втайне; о независимости, сохранённой среди бедности и испытаний. Ему рассказали сотню историй её доброты, и он краснел от гордости за неё и благородного волнения. Она и сама поведала незамысловатую историю своей жизни. Рассказала, что родилась в Ливерпуле, что отец её, по фамилии Проддер, был капитаном торгового судна. Его она помнила мало: он почти всегда плавал; так же смутно помнила и брата, который был старше её на три года, поссорился с отцом, сбежал, и с тех пор о нём не было вестей. Мать умерла, когда Элизе было четыре. Дальнейшее уместилось в нескольких словах. Девочку взяла тётка, державшая бакалейную лавку в её родном городе. Элиза выучилась делать искусственные цветы, но это ремесло ей не понравилось. Она часто ходила в ливерпульские театры и решила, что хотела бы поступить на сцену. Будучи осо-

бой смелой и решительной, однажды вышла из тёткиного дома, отправилась прямо к режиссёру одного из маленьких театров и попросила дать ей сыграть леди Макбет. Тот рассмеялся, однако сказал, что за хорошую фигуру и чёрные глаза готов платить ей пятнадцать шиллингов в неделю, чтобы она «выходила». Так на театральном языке называли занятие дам, которые являются на сцену то в крестьянских костюмах, то в придворных платьях из коленкора с золотой отделкой и неопределённо смотрят на всё происходящее. От таких «выходов» Элиза перешла к маленьким ролям, которые её старшие товарки с негодованием отвергали, а оттуда честолюбиво ринулась на первые трагические роли. Так шла её жизнь следующие девять лет, пока незадолго до двадцать девятого дня рождения судьба не свела её с богатым банкиром. В приходской церкви маленького городка в Гончарном крае черноглазая актриса сменила фамилию Проддер на Флойд.

Она приняла предложение богатого человека отчасти из благодарности за щедрый пыл его любви — он нравился ей больше всех знакомых мужчин, — отчасти послушавшись театральных друзей. Те с большей откровенностью, чем изяществом, заявили, что надо быть круглой дурой, чтобы упустить такой случай. Но, отдавая руку Арчибальду Мартину Флойду, она и понятия не имела о размерах состояния, которое он предлагал ей разделить. Он сказал, что он банкир, и её живое воображение тотчас нарисовало единственную знакомую ей банкиршу: полную даму в шёлковых платьях, которая жила в квадратном оштукатуренном доме с зелёными жалюзи, держала кухарку и горничную и покупала на бенефис мисс Персивал три билета в ложу.

Поэтому, когда обожавший её муж осыпал красавицу жену бриллиантовыми браслетами и ожерельями, шёлками и парчой, столь роскошными, что они стояли колом и не желали ложиться складками; когда прямо из Гончарного края увёз её на остров Уайт, поселил в просторных комнатах лучшей гостиницы Райда и стал бросать деньгами направо и налево, словно носил в кармане лампу Аладдина, — Элиза принялась увещевать своего нового повелителя. Она боялась, что любовь повредила ему рассудок и эти пугающие траты — первые признаки помешательства.

Когда Арчибальд Флойд привёл жену в длинную картинную галерею Фелден-Вудса, казалось, повторилась милая старая история о невесте из Бёрли[2]. При виде окружавшего её великолепия Элиза всплеснула руками с откровенной женской радостью. Она сравнила себя со скромной женой графа и, опустившись на колени, с театральной торжественностью выразила почтение своему господину.

— Ах, Арчи, — сказала она, — всё это слишком хорошо для меня! Боюсь, я умру от собственного величия, как та бедная девушка, которая зачахла в Бёрли-хаусе.

В полном расцвете женской красоты, пышущая здоровьем, свежестью и весельем, разве могла Элиза предположить, что владеть этой дорогой роскошью ей суждено ещё меньше, чем невесте из Бёрли?

Теперь, когда читатель знает прошлое Элизы, он, быть может, найдёт в нём объяснение той дерзкой непринуждённости, той благовоспитанной отваги, с какой миссис Флойд обходилась с провинциальными семействами второго разбора, вознамерившимися поставить её на место. Она была актрисой. Девять лет прожила в вымышленном мире, где герцоги и маркизы встречаются так же часто, как в будничной жизни мясники и булочники; где знатный человек чаще всего оказывается жалким, подлым существом, которому со всех сторон достаётся и которого публика презирает за самый его титул. С какой стати ей робеть в гостиных кентских усадеб, если девять лет она каждый вечер выходила на сцену, притягивала все взоры и целый вечер развлекала своих гостей? Могли ли устрашить её Ленфилды, строившие кареты на Парклейн, или девицы Мандерли, чей отец разбогател на патенте на крахмал, — её, принимавшую короля Дункана у ворот своего замка и восседавшую на шатком престоле, чтобы снисходительно угощать раболепных танов в Дунсинане? Как ни старались эти люди, подчинить себе

низкую пришелицу они не смогли. И, к их вящему огорчению, с каждым днём всё очевиднее становилось, что мистер и миссис Флойд — одна из счастливейших пар, когда-либо носивших супружеские узы и превративших их в розовые гирлянды.

Будь это очень романтическая история, Элизе Флойд, пожалуй, надлежало бы томиться в золочёном покое и растрачивать силы на слёзы о каком-нибудь возлюбленном, покинутом в злосчастный час честолюбивого безумия. Но моя история правдива — не только в общем смысле, а вполне правдива в главных событиях, которые я собираюсь рассказать. И я могла бы указать в одном графстве, далеко к северу от прелестных кентских лесов, тот самый дом, где эти события произошли. Потому я обязана и здесь держаться правды и записать как факт, что любовь Элизы Флойд к мужу была столь же чиста и искренна, какой только может пожелать мужчина от великодушного сердца доброй женщины.

Какую долю в этой любви составляла благодарность, я сказать не могу. Она жила в прекрасном доме, ей прислуживала внимательная и почтительная челядь; она ела изысканные кушанья и пила дорогие вина, носила богатые платья и великолепные драгоценности, нежилась на пуховых подушках кареты, запряжённой горячими лошадьми, с напудренным кучером на козлах. Куда бы она ни явилась, её окружали всеми внешними знаками почтения. Ей стоило лишь высказать желание — и оно исполнялось быстро, как по мановению волшебного жезла. Она знала, что всем этим обязана мужу, Арчибальду Флойду. И, возможно, совсем естественно, стала связывать с ним каждое из своих благ и любить его в том числе за них.

Такая любовь, вероятно, покажется низкой и презренной в сравнении с благородным чувством, какое Нэнси из современных романов питают к избранным ими Биллам Сайксам. И, без сомнения, Элизе Флойд следовало бы свысока презирать человека, который угадывал каждую её прихоть, исполнял любой каприз и любил и чтил её — *бывшую* провинциальную актрису — так же, как любил бы, сойди она со ступеней высочайшего престола христианского мира, чтобы отдать ему руку.

Она была ему благодарна, она любила его и делала совершенно счастливым. До того счастливым, что порой этот мужественный шотландец почти пугался собственного благополучия. Он падал на колени и молился, чтобы не лишиться этого дара; чтобы, если Провидению угодно поразить его, у него отняли всё до последнего шиллинга и оставили нищим, принуждённым начать жизнь заново, — только бы вместе с нею. Увы, именно этот дар ему и предстояло потерять!

Год прожили Элиза с мужем этой счастливой жизнью в Фелден-Вудсе. Он хотел повезти её на континент или в Лондон на сезон, но она не могла расстаться со своим прекрасным кентским домом. Ей с утра до вечера было в радость всё: сады, ананасовые теплицы и виноградные оранжереи, собаки, лошади, её бедняки. Для последних она была ангелом, спустившимся с небес их утешить. Из иных домишек чопорные дочки провинциальных семейств второго разбора убегали с благочестивой брошюркой в руке, растерянные и смущённые угрюмыми взглядами полуголодных жильцов. Но стоило тени миссис Флойд лечь на тот же порог — и её встречали, как тень священника в католической стране: с почтением и вместе с тем с радостной простотой. Она умела расположить к себе людей прежде, чем принималась исправлять их дурные привычки. В начале знакомства она не замечала грязи и беспорядка в их лачугах, как не заметила бы потёртого ковра в гостиной обедневшей герцогини. Потом исподволь намекала на ту или иную перемену в *хозяйстве* своих подопечных — и меньше чем за месяц, никого не поучая и не обидев, добивалась полного преображения.

С этими заблудшими крестьянами миссис Флойд поступала ужасно коварно. Вместо того чтобы прямо, откровенно и по-христиански объявить им, что все они грязные, опустившиеся, неблагодарные безбожники, она прибегала к дипломатии и уловкам, точно добивалась их голосов на выборах. Новыми шляпками и нарядно переплетёнными молитвенниками приучала девушек исправно ходить в церковь; отваживала женатых мужчин от трактира подач-

ками табака, который можно курить дома, а однажды — о ужас! — подарила бутылку джина для умеренного и дружного употребления в семейном кругу. Подарила хозяйке пёструю фарфоровую вазу — и грязная каминная полка стала чистой; подарила медную каминную ограду — и очаг привели в порядок. Сварливый нрав смягчила новым платьем, а давнюю семейную ссору уладила, подарив ситцевый жилет.

Но всего через год после свадьбы, пока садовники хлопотали над задуманными ею переменами, пока среди благодарных получателей её щедрот медленно, но верно шло исправление нравов, пока жадные языки недоброжелательниц всё ещё воевали с её добрым именем, пока Арчибальд Флойд радовался, держа на руках новорождённую дочь, — без единого тревожного признака, который мог бы хоть немного смягчить удар, свет медленно угас в этих великолепных глазах. По эту сторону вечности ему уже не суждено было загореться вновь. Арчибальд Мартин Флойд стал вдовцом.

Глава 2. Аврора

Дочь Элизы Флойд, так внезапно умершей в пору полного благополучия и счастья, окрестили Авророй. Это романтическое имя было прихотью бедной Элизы, а для обожавшего её мужа любая её прихоть, самая незначительная, всегда была священна — и вдвойне священна теперь. Ни одна душа на этом свете не знала всей глубины его горя. Племянники с жёнами настойчиво являлись выразить соболезнования; одна из этих племянниц по мужу, добрая, заботливая женщина, преданная своему супругу, настояла на том, чтобы увидеть убитого горем человека и утешить его. Одному небу известно, принесла ли её нежность хоть какое-то утешение этой потерпевшей крушение душе! Она застала его словно после удара: оцепеневшим, почти лишённым рассудка. И, быть может, избрала самый мудрый путь из всех возможных. О его несчастье она говорила мало, зато навещала часто и часами терпеливо сидела напротив. Они беседовали о самых обыкновенных вещах: о положении в стране, о погоде, о смене министров — обо всём, что было так далеко от главного горя его жизни, что даже менее осторожная рука, чем рука миссис Александр Флойд, едва ли коснулась бы порванных струн этого разбитого инструмента — сердца вдовца.

Лишь через полгода после смерти Элизы миссис Александр решилась произнести её имя. Но заговорила о ней без торжественных заминок, нежно и просто, словно давно привыкла вспоминать покойную. Она сразу поняла, что поступила верно: пришло время, когда разговор об утраченной любимой мог принести вдовцу облегчение. С этого часа миссис Александр стала любимицей дядюшки. Много лет спустя он признался ей, что даже в угрюмом оцепенении горя смутно сознавал: она ему сочувствует, она «добрая женщина». В тот же вечер эта добрая женщина вошла в большую комнату, где банкир одиноко сидел у камина. На руках у неё был младенец — бледная некрасивая малышка с серьёзным лицом и огромными удивлёнными чёрными глазами, глядевшими на богача с мрачным недоумением. Ей предстояло вырасти и стать Авророй Флойд, героиней моей истории.

С этих пор бледная черноглазая малышка стала кумиром Арчибальда Мартина Флойда, единственным существом во всей вселенной, ради которого, казалось ему, стоило ещё терпеть жизнь. После смерти жены он оставил всякое деятельное участие в делах на Ломбард-стрит, и теперь у него не было ни занятия, ни радости, кроме лепета маленькой дочери и исполнения её капризов. Эта любовь была слабостью, почти граничившей с безумием. Будь племянники людьми расчётливыми, они, пожалуй, и впрямь задумались бы об освидетельствовании на предмет помешательства, которого так добивались возмущённые соседи. Банкир ревновал к наёмным нянькам, заботившимся о его ребёнке; украдкой следил за ними, боясь, как бы они не обошлись с девочкой грубо. Все тяжёлые двери огромного дома в Фелден-Вудсе не могли заглушить для этого любящего, вечно тревожного слуха даже самого слабого звука её голоса.

Он следил за её ростом, как ребёнок следит за жёлудем, из которого надеется вырастить дуб. Повторял её первые, ещё невнятные слова, пока окружающие не уставали слушать его бесконечные рассказы о дочери. Разумеется, кончилось всё тем, что Аврора, как принято говорить, выросла избалованной. Мы ведь не называем испорченным цветок, выращенный в оранжерее, где ни один ветерок не может коснуться его слишком сурово. Правда, пышный заморский цветок безжалостно подрезает и подравнивает садовник; Аврора же тянулась куда хотела, и некому было обрезать буйно разросшиеся ветви её натуры. Она говорила что хотела, думала, поступала, училась чему хотела и выросла ярким, порывистым существом, таким же ласковым и великодушным, как мать, но с примесью какого-то собственного огня, придававшего ей неповторимость. Некрасивые младенцы нередко становятся красивыми женщинами; так случилось и с Авророй Флойд. В семнадцать лет она была вдвое красивее матери в двадцать девять, хотя черты оставались почти столь же неправильными. Их озаряли глаза, подобные

небесным звёздам, и два ряда ослепительно белых зубов. Глядя на неё, вы редко замечали что-либо, кроме этих глаз и зубов: они так слепили, что не позволяли придираться ни к сомнительному маленькому носу, ни к ширине улыбающегося рта. Что с того, что тяжёлые иссиня-чёрные волосы зачёсаны со лба, слишком низкого по обычным меркам красоты? Френолог сказал бы вам, что голова у неё благородная, а скульптор сравнил бы её шею с шеей Клеопатры.

О жизни покойной матери мисс Флойд знала очень мало. В святая святых банкира висел пастельный портрет Элизы в полном расцвете красоты и благополучия, но портрет ничего не говорил о прошлом изображённой на нём женщины. Аврора никогда не слышала ни о капитане торгового судна, ни о бедном ливерпульском жилье, ни о суровой тётке с мелочной лавкой, ни об искусственных цветах и провинциальной сцене. Ей не рассказывали, что её деда по матери звали Проддером и что мать играла Джульетту перед фабричными рабочими за скромную, да и то не всегда выплачиваемую плату в четыре шиллинга и два пенса за вечер. Соседние семейства принимали наследницу богатого банкира и всячески её привечали, однако охотно замечали, что Аврора — вся в мать: в её натуре сильно сказывается порча от лицедейства, цирковой езды, блёсток и опилок. По правде говоря, ещё не выйдя из детской, мисс Флойд обнаружила явную склонность к тому, что называют лихачеством. В шесть лет отказалась от куклы и потребовала лошадку-качалку. В десять уже свободно рассуждала о пойнтерах, сеттерах, фоксхаундах, харьерах и биглях, хотя доводила гувернантку почти до отчаяния тем, что упорно забывала, при каком римском императоре был разрушен Иерусалим и кто был папским легатом во время развода Екатерины Арагонской. В одиннадцать без обиняков называла лошадей в конюшнях Ленфилдов сборищем кляч; в двенадцать внесла полкроны в жеребьёвку на Дерби, которую затеяла отцовская прислуга, и с торжеством вытянула победившую лошадь; в тринадцать уже скакала по полям с родственником Эндрю, участником кройдонской охоты. Банкир не без огорчения наблюдал успехи дочери в этих сомнительных искусствах. Но она была так красива, так открыта и бесстрашна, так щедра, ласкова и правдива, что он не мог сказать ей: ты не во всём такая, какой я желал бы тебя видеть. Будь он способен обуздать или направить эту порывистую натуру, он хотел бы сделать её самой утончённой, изящной, совершенной и образованной из женщин. Но это было не в его силах, и оставалось благодарить Бога за то, какова она есть, и потакать каждой её прихоти.

Старшая дочь Александра Флойда, Люси, приходилась Авроре двоюродной племянницей, была её подругой и поверенной и время от времени приезжала из отцовской виллы в Фулеме погостить месяц в Фелден-Вудсе. У Люси Флойд, однако, было ещё шестеро братьев и сестёр, и воспитывали её совсем иначе, чем наследницу. Это была светлолицая, голубоглазая девочка с розовыми губами и золотыми волосами; Фелден-Вудс казался ей земным раем, а Аврора — счастливее старшей английской принцессы или самой Титании, царицы фей. Она смертельно боялась пони и ньюфаундлендов своей родственницы и была твёрдо уверена, что возле лошадиных копыт, на определённом расстоянии от них, восседает на троне внезапная смерть. Но Люси любила Аврору и восхищалась ею, как умеют восхищаться натуры послабее, и принимала её величавое покровительство и защиту как нечто само собой разумеющееся.

Настал день, когда над тесным домашним кругом Фелден-Вудса нависла смутная тёмная туча. Между банкиром и его любимым ребёнком возникло отчуждение. Барышня половину времени проводила в седле, носилась по тенистым просёлкам вокруг Бекенхема в сопровождении одного лишь грума — бравого молодого человека, которого мистер Флойд выбрал служить при Авроре именно за его приятную наружность. После долгих уединённых поездок она обедала у себя, оставляя отца одного за столом в огромной столовой. С её присутствием комната казалась полной, а без неё — безнадёжно пустой. В Фелден-Вудсе долго помнили тот июньский вечер, когда гроза между отцом и дочерью наконец разразилась.

Авроры не было дома с двух часов пополудни до самого заката. Банкир ходил по длинной каменной террасе с часами в руке, ожидая её возвращения; в сумерках цифры на цифер-

блате едва различались. Обед он отослал нетронутым; газеты лежали на столе неразрезанными. Домашние шпионы, которых мы называем слугами, рассказывали друг другу, что у него так дрожали руки, когда он хотел налить себе вина, что половина графина пролилась на полированное красное дерево. Экономка со своей свитой прокралась в холл и через застеклённые наполовину двери смотрела на тревожного стража террасы. На конюшне обсуждали «скандал» — так называли страшную размолвку отца и дочери. И когда наконец в длинной аллее застучали копыта и мисс Флойд осадила свою чистокровную рыжую кобылу у подножия террасных ступеней, в вечерних тенях уже притаилась публика, жадная до зрелищ и новостей.

Возвращение во Фелден-Вудс.

Но любопытным глазам и ушам досталось немного. Аврора легко соскочила на землю прежде, чем грум успел спешиться ей на помощь, и рыжую кобылу, тяжело дышавшую, с боками в клочьях пены, увели в конюшню.

Мистер Флойд следил за грумом и двумя лошадьми, пока те не скрылись за большими воротами конюшенного двора, а затем очень тихо сказал:

— Ты нехорошо обращаешься с этой лошадью, Аврора. Шестичасовая прогулка не на пользу ни ей, ни тебе. Твой грум должен был понимать это и не допускать подобного.

Велев дочери идти за ним, он направился в кабинет. Там они заперлись и пробыли вдвоём больше часа.

Рано утром гувернантка мисс Флойд уехала из Фелден-Вудса. Между завтраком и ленчем банкир побывал на конюшне и осмотрел любимую рыжую кобылу дочери — прекрасную молодую лошадь крепкого сложения, с мощными мускулами, подготовленную для скачек. Она растянула сухожилие и хромала. Мистер Флойд вызвал грума, тут же расплатился с ним и уволил. Молодой человек не возражал: молча ушёл к себе, снял ливрею, уложил дорожную сумку

и покинул дом, даже не простившись с товарищами. Те обиделись и объявили его угрюмой скотиной, которая всегда слишком много о себе воображала для своего места.

Через три дня, 14 июня 1856 года, мистер Флойд с дочерью уехали из Фелден-Вудса в Париж. Аврору определили в очень дорогой и закрытый протестантский пансион девиц Леспар, помещавшийся в величественном особняке на улице Сен-Доминик — *между парадным двором и садом*, — чтобы там завершить её весьма несовершенное образование.

Год и два месяца мисс Флойд провела вдали от дома, в этом парижском пансионе. На исходе августа 1857 года банкир снова ходит по длинной каменной террасе перед узкими окнами краснокирпичного дома — на этот раз ждёт Аврору из Парижа. Слуги немало удивляются, почему он не переправился через пролив, чтобы забрать дочь. По их мнению, достоинство дома несколько страдает от того, что мисс Флойд путешествует без провожатых.

— Бедняжка молоденькая, об этом грешном мире знает не больше, чем невинный младенец, — говорила экономка. — И одна-одинёшенька среди целой оравы усатых французов!

Арчибальд Мартин Флойд состарился за один день — тот страшный и внезапный день, когда умерла его жена. Но даже эта утрата, казалось, не так сильно подействовала на него, как разлука с дочерью, четырнадцать месяцев отсутствовавшей в Фелден-Вудсе.

Быть может, в шестьдесят пять лет ему стало труднее переносить даже меньшее горе. Но близко наблюдавшие за ним люди говорили, что отсутствие дочери удручает его так, словно она умерла. И сейчас, когда он меряет шагами широкую террасу, а перед ним раскинувшийся пейзаж смутно тает под багряным покровом, которым заходящее солнце одевает всё вокруг; сейчас, когда он с часу на час, почти с минуты на минуту ждёт объятий единственного ребёнка, — Арчибальд Флойд кажется скорее встревоженным и взвинченным, чем радостным в своём ожидании.

Он снова и снова смотрит на часы, останавливается, слушая, как на бекенхемской церкви бьёт восемь. Слух его обострён до неправдоподобия: он сразу улавливает стук колёс далеко на большой дороге. Все треволнения минувшей недели — ничто перед лихорадочной тревогой этой минуты. Проедет карета мимо или остановится у ворот? Наверное, только чудесная сила отцовской любви и надежды может заставить сердце биться так громко. Карета останавливается. Он слышит лязг ворот; багряный пейзаж мутнеет и расплывается у него перед глазами, и дальше он ничего не сознаёт, пока чьи-то руки порывисто не обхватывают его шею и Аврора не прячет лицо у него на плече.

Мисс Флойд приехала в жалком наёмном экипаже. Едва она вышла, а расторопные слуги приняли её скудный багаж, экипаж уехал. Банкир повёл дочь в кабинет, где четырнадцать месяцев назад они так долго беседовали. На письменном столе горела лампа, и Арчибальд Флойд подвёл дочь к свету.

За год девушка превратилась в женщину — женщину с огромными запавшими чёрными глазами и бледными осунувшимися щеками. Видно, учение в парижском пансионе оказалось для избалованной наследницы непосильным.

— Аврора, Аврора, — жалобно воскликнул старик, — как ты плохо выглядишь! Как переменилась! Как…

Она легко, но властно прикрыла ему губы рукой.

— Не говори обо мне, — сказала она. — Я оправлюсь. Но ты… ты, отец… ты ведь тоже изменился.

Ростом она была с отца. Положив руки ему на плечи, Аврора долго и пристально вглядывалась в него. И пока она смотрела, глаза, прежде сухие, медленно наполнились слезами, и слёзы беззвучно потекли по её осунувшимся щекам.

— Отец мой, мой любящий отец, — проговорила она прерывающимся голосом, — будь у меня сердце из алмаза, оно, кажется, и тогда разбилось бы при виде того, как переменилось это дорогое лицо.

Старик остановил её нервным, почти испуганным жестом.

— Ни слова, ни слова, Аврора, — торопливо сказал он. — Вернее, только одно. Тот человек… он умер?

— Да.

Глава 3. Что стало с бриллиантовым браслетом

Родственники Авроры наперебой заговорили о том, как дурно отразился на ней год в Париже. Боюсь, репутация девиц Леспар в кругу знакомых Фелден-Вудса немало пострадала оттого, что мисс Флойд подурнела. К тому же она была подавлена, почти не ела, плохо спала, нервничала и впадала в истерику, перестала интересоваться своими собаками и лошадьми — словом, стала совсем другим человеком. Миссис Александр Флойд объявила: яснее ясного, эти жестокие француженки замучили бедную Аврору учением и довели до полного истощения. Девочка к занятиям не привыкла, говорила она; привыкла к движению, к свежему воздуху и, несомненно, зачахла в душной классной комнате.

Но Аврора принадлежала к тем впечатлительным натурам, которые быстро оправляются от всякого угнетающего влияния. В начале сентября Люси Флойд приехала в Фелден-Вудс и нашла красавицу родственницу почти совершенно отдохнувшей от тягот парижского *пансиона*. Говорить о нём та, однако, по-прежнему не желала. На пылкие расспросы Люси отвечала коротко: ненавидит девиц Леспар и улицу Сен-Доминик, а одно воспоминание о Париже ей противно. Подобно большинству барышень с чёрными глазами и иссиня-чёрными волосами, мисс Флойд умела ненавидеть от души. Люси поэтому не стала больше расспрашивать о явно неприятном предмете. Бедную Люси выучили с беспощадной добросовестностью: она говорила на шести языках, знала всё о естественных науках, прочла Гиббона, Нибура и Арнольда от титульного листа до имени печатника и считала наследницу великовозрастной блистательной неучью. Потому и отнесла спокойно её нелюбовь к Парижу на счёт отвращения к урокам и больше об этом не думала. Иные причины, по которым мисс Флойд почти содрогалась от ужаса при воспоминаниях о Париже, лежали далеко за пределами бесхитростной проницательности Люси.

Пятнадцатого сентября был день рождения Авроры, и в эту девятнадцатую годовщину появления дочери на земной сцене Арчибальд Флойд решил дать праздник, чтобы и соседи по графству, и лондонские знакомые могли полюбоваться прекрасной наследницей.

Миссис Александр приехала в Фелден-Вудс распоряжаться приготовлениями к балу в честь дня рождения. Повезла Аврору и Люси в Лондон — заказать ужин и оркестр, выбрать барышням платья и венки. В салоне модистки наследница банкира чувствовала себя совсем не на месте. Зато цвет и форму она чувствовала безошибочно — явный признак художественной натуры. Пока бедная кроткая Люси доставляла продавщицам бесконечные хлопоты и перебирала бесчисленные коробки цветов в поисках убора, который подошёл бы к розовым щекам и золотым волосам, Аврора одним взглядом окинула яркие *цветники* раскрашенного батиста и схватила венок, похожий на корону: ярко-алые ягоды среди поникших перепутанных тёмно-зелёных блестящих листьев, словно только что сорванных у бегущего ручья. За затруднениями Люси она наблюдала с улыбкой, в которой жалость наполовину смешивалась с презрением.

— Поглядите на бедное растерянное дитя, — сказала она. — Я знаю: ей хочется приложить к золотым волосам розовое и жёлтое. Глупенькая Люси, разве ты не понимаешь, что твоя красота как раз *не нуждается* в украшениях? Немного жемчуга, несколько незабудок или венок из кувшинок да облако белого аэрофана — и ты станешь сильфидой. А тебе, верно, хочется янтарного атласа и огромных роз!

От модистки они поехали к мистеру Гантеру на Беркли-сквер. В этом всемирно известном заведении миссис Александр распорядилась изготовить индеек в желе, окорока, хитроумно забальзамированные в крепких винах и бульонах, и другие образцы того возвышенного кондитерского искусства, которое стоит на полпути между кухней и фокусничеством и в котором учёный с Беркли-сквер не знает соперников. Когда новозеландец бедного Томаса Бабингтона Маколея[1] явится размышлять над развалинами собора Святого Павла, он, быть может,

посетит и останки этого более скромного храма на Беркли-сквер. И будет дивиться ведёркам для льда и формам для желе, ледникам и сотейникам, жаровням, давно остывшим и забытым, — всему таинственному снаряжению умершего искусства.

Из Вест-Энда миссис Александр поехала на Чаринг-Кросс: ей предстояло исполнить поручение у Дента — купить часы одному из сыновей, который как раз отправлялся в Итон.

Пока миссис Александр и Люси выбирали часы, Аврора устало откинулась в карете. Следовало заметить, что, хотя мисс Флойд во многом вернула себе прежнюю живость и весёлость, стоило ей на несколько минут остаться одной, как по лицу иной раз пробегала мрачная тень: выражение тяжёлого раздумья, прежде ему несвойственное. Эта тень лежала на её красоте и сейчас, когда она хмуро смотрела в открытое окно на прохожих. Покупка затянулась. Аврора уже почти четверть часа безучастно следила за сменявшимися фигурами в толпе, когда один торопившийся мимо мужчина заметил её в окне и вздрогнул от неожиданности. Он всё же прошёл дальше, быстрым шагом направившись к казармам конной гвардии, но, не дойдя до угла, вдруг остановился как вкопанный. Две-три минуты простоял, задумчиво почёсывая затылок большой рукой без перчатки, а потом медленно вернулся к магазину мистера Дента. Это был широкоплечий, бычьешеий малый с рыжеватыми бакенбардами, в короткополом сюртуке и с пёстрым шейным платком. Он курил громадную сигару, едкий дым которой соперничал с сильнейшим запахом недавно выпитого рома с водой. Об общественном положении джентльмена свидетельствовали гладкая голова бультерьера, высовывавшаяся из кармана сюртука, с круглыми любопытными глазами, и бленхейм-спаниель под мышкой. Из всех людей между Кокспер-стрит и статуей короля Карла этот меньше всего, казалось, мог иметь какое-либо дело к мисс Авроре Флойд. Однако он спокойно подошёл к карете, положил локти на дверцу и кивнул ей с дружеской фамильярностью.

— Ну, как живёте? — сказал он, не утруждая себя тем, чтобы вынуть вонючую сигару изо рта.

После краткого приветствия он умолк и принялся медленно водить большими карими глазами, задумчиво рассматривая мисс Флойд и её экипаж. Наблюдательность его простиралась так далеко, что он особо отметил пухлую сафьяновую сумку на заднем сиденье и мимоходом осведомился, «есть ли чего ценного в ридикюле у старой-то».

Но Аврора недолго позволила ему предаваться этим неспешным наблюдениям. Сверкнув на него глазами, она резко и отрывисто спросила, имеет ли он что-нибудь ей сказать; лицо её пылало от негодования.

Сказать ему было что. Но он сунул голову в окно и передал своё сообщение — в чём бы оно ни состояло — пропитанным ромом шёпотом, доступным слуху одной Авроры. Закончив шептать, вынул из нагрудного кармана засаленную записную книжку в кожаном переплёте и огрызок карандаша с глубокими следами зубов, написал две-три строчки, вырвал листок и передал Авроре.

— Вот адрес, — сказал он. — Не забудете послать?

Она покачала головой и отвернулась — отвернулась с невольным выражением отвращения и брезгливости.

— Может, спаниельчика купите? — спросил мужчина, поднимая к окну кареты лоснящееся кудрявое чёрно-подпалое животное. — Или французского пуделя? Будет держать хлеб на носу, пока до десяти не сосчитаете. А? Дёшево отдам: скажем, пятнадцать фунтов за обоих.

— Нет!

В эту минуту миссис Александр вышла от часовщика и успела лишь мельком увидеть широкую спину незнакомца, который хмуро отходил от кареты.

— Этот человек просил у тебя милостыню, Аврора? — спросила она, когда они поехали дальше.

— Нет. Я однажды купила у него собаку, и он меня узнал.

— И хотел, чтобы ты купила ещё одну сегодня?

— Да.

Всю дорогу домой мисс Флойд угрюмо молчала, смотрела в окно и не удостаивала тётку и Люси ни малейшим вниманием. Не знаю, повиновались ли они той явной силе и жизненной мощи Авроры, которая, казалось, ставила её выше окружающих, или просто тому врождённому угодничеству, от которого не свободны даже лучшие из нас. Но миссис Александр со светловолосой дочерью всегда безмолвно чтили наследницу банкира: молчали, когда ей это было угодно, и беседовали по её царственному соизволению. Я совершенно уверена: скорее глаза Авроры, чем тысячи Арчибальда Мартина Флойда, внушали родным этот трепет. Будь она уличной метельщицей в лохмотьях, выпрашивающей полпенни, люди всё равно боялись бы её, расступались перед нею и говорили тише, когда она сердилась.

Деревья вдоль длинной аллеи Фелден-Вудса увесили сверкающими разноцветными фонариками, чтобы осветить путь гостям, съезжавшимся праздновать рождение Авроры. Длинный ряд окон нижнего этажа пылал огнями. Музыка оркестра то и дело заглушала непрерывный грохот колёс и выкрики гостевых имён, разносясь над безмолвными лесами. В глубине анфилады из полудюжины открывавшихся одна в другую комнат, среди тёмной пышности заморских растений оранжереи, сверкали воды фонтана, переливаясь в свете сотней оттенков. Просторный холл украшали группы тропических растений; гирлянды цветов обвивали лёгкие занавеси в арочных проёмах. Свет и великолепие были повсюду, а посреди всего, великолепнее всего, в тёмном величии своей красоты, увенчанная алым, одетая в белое, стояла рядом с отцом Аврора Флойд.

Среди последних гостей на балу мистера Флойда появляются два офицера из Виндзора, приехавшие через сельскую округу в дорожном фаэтоне. Старший из них, правивший лошадьми, всю дорогу был недоволен и раздражителен.

— Если бы я хоть отдалённо представлял себе расстояние, Молдон, — сказал он, — я бы предоставил вам с вашим кентским банкиром претерпеть все возможные неудобства, прежде чем согласился бы замучить своих лошадей ради этого мещанского сборища.

— Да оно вовсе не будет мещанским! — горячо возразил молодой человек. — Арчибальд Флойд — лучший малый во всём христианском мире, а что до его дочери…

— О, разумеется, богиня, и пятьдесят тысяч фунтов состояния. Которые, несомненно, будут весьма надёжно закреплены за нею, если ей вообще позволят выйти за безденежного шалопая вроде Фрэнсиса Льюиса Молдона из Одиннадцатого гусарского полка Её Величества. Впрочем, мешать вам, мой мальчик, я не намерен. Ступайте и побеждайте; благословляю ваши добродетельные старания. Живо представляю себе эту юную шотландку: рыжие волосы — вы, конечно, назовёте их каштановыми, — большие ноги и веснушки!

— Аврора Флойд — рыжая и в веснушках! — Молодой офицер расхохотался над столь невероятной шуткой. — Через четверть часа вы её увидите, Болстрод.

Тальбот Болстрод, капитан Одиннадцатого гусарского полка Её Величества, согласился привезти товарища из Виндзора в Бекенхем и облачиться в мундир, чтобы украсить собой праздник в Фелден-Вудсе, главным образом потому, что к тридцати двум годам уже промотал всё богатство жизненных волнений и развлечений. В этой валюте он был разорившимся расточителем, хотя обыкновенными презренными деньгами обеспечен вполне; он так устал от себя и от мира, что ему было почти всё равно, куда поведут его друзья и сослуживцы. Он был старшим сыном богатого корнуоллского баронета, чей предок получил титул прямо из рук шотландского короля Якова, когда баронетства только входили в моду. Этот удачливый предок был близким родственником одного благородного, непоседливого, несчастного и обиженного судьбой джентльмена по имени Уолтер Рэли, с которым тот же шотландский Яков обошёлся далеко не лучшим образом.

Из всех видов гордости, когда-либо раздувавших человеческую грудь, корнуоллская, пожалуй, сильнее прочих, а Болстроды были одним из самых гордых семейств Корнуолла. Тальбот был достойным отпрыском этого высокомерного дома: с младенчества он отличался крайней гордостью. Она и хранила его на всём благополучном жизненном пути. Другие, может статься, покатились бы вниз по гладкой дорожке, которую богатство и знатность сделали такой приятной, — но не Тальбот Болстрод. Пороки и безумства простого смертного ещё можно загладить; порок или безумство Болстрода оставили бы на доныне незапятнанном гербе пятно, которого не смыли бы ни время, ни слёзы. В этой родовой гордости, нисколько не смешанной с гордостью богатством или положением, была своя благородная, рыцарственная сторона. Многие выскочки, которых люди помельче непременно оскорбили бы, любили Тальбота Болстрода. В повседневных делах он был кроток, как женщина или ребёнок. Лишь когда речь заходила о чести, спящий дракон гордости, охранявший золотые яблоки его юности — чистоту, порядочность и правдивость, — просыпался и бросал вызов врагу.

В тридцать два года Тальбот оставался холостяком не потому, что никогда не любил, а потому, что не встретил женщины, чья безупречная душевная чистота позволяла бы ей, по его мнению, стать матерью благородного рода и воспитать сыновей, достойных имени Болстрод. От избранницы он требовал большего, нежели обычная повседневная добродетель; искал величавых, царственных качеств, редчайших среди женщин. Бесстрашная правдивость, честь, столь же чуткая, как его собственная, верность цели, бескорыстие, душа, не тронутая мелкой житейской низостью, — всё это он надеялся найти в любимой. И при первом тревожном волнении, вызванном прекрасными глазами, становился придирчив и взыскателен к их обладательнице, отыскивал мельчайшие пятнышки на сияющем одеянии её невинности. Он женился бы на нищенской дочери, достигни она его почти невозможного идеала; отверг бы наследницу королей, не дотяни она до него хоть на десятую долю дюйма.

Женщины боялись Тальбота Болстрода. Маменьки-устроительницы робели под холодным светом его внимательных серых глаз. Девицы на выданье краснели и трепетали, чувствуя, как под спокойным взглядом молодого офицера отпадают их милые ужимки, весь бальный реквизит. Постепенно хорошенькие порхающие создания стали его избегать и недолюбливать, так что в великом брачном промысле уже никто не закидывал удочки ни на замок Болстрод, ни на состояние Болстродов. И в тридцать два года Тальбот спокойно проходил среди сетей и западней Белгравии, защищённый общим убеждением, что капитан Болстрод из Одиннадцатого гусарского жениться не намерен. Это убеждение, возможно, укреплялось ещё и тем, что корнуоллец нисколько не походил на изящного невежду, чьи единственные умения — проводить пробор, навощивать усы да курить пенковую трубку, которую заранее обкурил камердинер; именно такой образ и стал общепринятым типом военного в мирное время.

Тальбот Болстрод любил научные занятия; он не курил, не пил и не играл. На Дерби был всего раз в жизни, да и тогда спокойно ушёл с трибуны в самую минуту великого состязания, когда побелевшие лица были обращены к роковому повороту, а мужчины изнемогали от страха и тревоги, обезумев от ожидания. Он не охотился, хотя держался в седле не хуже мистера Эштона Смита. Был превосходным фехтовальщиком, любимым учеником мистера Анджело, но ни разу в жизни не держал бильярдного кия и не брал в руки карт со времени детских партий в длинный вист с отцом, матерью и приходским священником в южной гостиной замка Болстрод. Ко всяким играм — и на случай, и на умение — испытывал особенное отвращение: считал недостойным джентльмена даже ради забавы пользоваться орудиями жалкого шулерского ремесла. Его комнаты содержались с женской опрятностью. Вместо сигарных коробок стояли футляры с математическими инструментами; стены, которые обычно завешивали французскими эстампами и акварельными охотничьими сценами из магазина Аккермана, украшали пробные оттиски гравюр с Рафаэля. Он разбирался в тонкостях языка Декарта и Кондильяка, но немало затруднился бы перевести жаргон господина де Кока-*отца*. Знакомые подводили

итог: на офицера он совсем не похож. Однако солдаты одного кавалерийского полка, которым он командовал во время памятной отчаянной атаки на стену русских орудий, могли рассказать о капитане Болстроде совсем другое. Вернувшись из Крыма, он перевёлся в Одиннадцатый гусарский; среди прочих отличий привёз оттуда плохо гнувшуюся ногу, на время лишившую его возможности танцевать. Поэтому приглашение на бал в Фелден-Вудс Тальбот Болстрод принял либо из чистого человеколюбия, либо из того безразличия ко всему, которое так легко принять за бескорыстие.

Гости банкира не принадлежали к тому избранному кругу, который был знаком гусарскому капитану. Коротко представившись хозяину, Тальбот отступил в толпу у одного из дверных проёмов и спокойно наблюдал за танцующими. Сам он, впрочем, незамеченным не остался: это был один из тех людей, которые не затеряются в толпе. Высокий, широкогрудый, с бледным лицом без бакенбард, орлиным носом, ясными холодными серыми глазами, густыми усами и чёрными волосами, остриженными так коротко, словно он недавно вышел из Колдбат-Филдс или Миллбэнкской тюрьмы, он резко отличался от сопровождавшего его молодого корнета с жёлтыми бакенбардами. Даже негнущаяся нога, которая другому показалась бы недостатком, добавляла ему значительности и вместе с орденами, сверкавшими на мундире, говорила о недавних подвигах. Весёлое собрание, кружившееся перед ним под один из вальсов Шарля д'Альбера, мало его радовало. Эту музыку он слышал прежде в исполнении того же оркестра. Лица были незнакомые, но всё те же: тёмные красавицы в розовом, светлые в голубом; высокие, бойкие красавицы в шелках, кружевах, драгоценностях и блеске; скромно потупившиеся — в белом крепе и розовых бутонах. Все эти знакомые сети из газа и аэрофана ему уже расставляли, и он из всех вырвался. Пусть имя Болстродов исчезнет из истории корнуоллского дворянства и останется только на надгробиях — но недостойное потомство его не запятнает, виновная женщина не протащит его по грязи бракоразводного суда.

Он прислонился к столбу у дверей, опираясь на трость, давая отдых больной ноге и лениво спрашивая себя, есть ли на свете что-нибудь, ради чего стоит утруждать себя жизнью. Тут корнет Молдон подошёл к нему, ведя под руку богиню: женская рука в перчатке легко лежала на его рукаве. Богиню! Властно прекрасную, бело-алую, мучительно ослепительную, упоительно блистательную. Капитан Болстрод служил в Индии и однажды отведал ужасного напитка под названием *банг*, от которого пьющие едва не сходили с ума. И теперь ему невольно представлялось, что красота этой женщины подобна крепости того зелья: варварская, опьяняющая, опасная, сводящая с ума.

Товарищ представил его дивному созданию. Оказалось, что на земле её зовут Авророй Флойд и что она наследница Фелден-Вудса.

Тальбот Болстрод вмиг овладел собой. У этого властного создания, этой Клеопатры в кринолине, был низкий лоб, нос, отклонявшийся от линии красоты, и широкий рот. Что перед ним, если не очередная ловушка в белом муслине, с приманкой из искусственных цветов, как все прочие? Ей дадут пятьдесят тысяч приданого: богатый муж не нужен. Но сама она — ничто, значит, ей непременно требуется положение в обществе; наверняка уже прочла о Рэли Болстродах на возвышенных страницах Бёрка[2]. Потому ясные серые глаза стали холодны, как всегда, когда Тальбот поклонился наследнице. Мистер Молдон нашёл своей даме стул у столба, где стоял капитан. И в эту самую минуту миссис Александр Флойд налетела на корнета с мрачной целью увести его танцевать с особой, которая большую часть па исполняла на ногах партнёра, а не на полу бальной залы. Аврора и Тальбот остались вдвоём.

Гусарский капитан взглянул на дочь банкира. Его взгляд задержался на изящной голове: венец блестящих алых ягод окружал гладкие массы иссиня-чёрных волос. Он ожидал увидеть то скромное опускание век, которое свойственно девушкам с длинными ресницами, но ошибся. Аврора Флойд смотрела прямо перед собой — не на него, не на огни, не на цветы и не на танцующих, а далеко в пустоту. Она была так молода, так благополучна, так любима и

окружена восхищением, что трудно было объяснить смутную тень тревоги в её великолепных глазах.

Пока он раздумывал, о чём с ней заговорить, она подняла глаза на его лицо и задала самый странный вопрос из всех, какие ему случалось слышать от девичьих уст.

— Вы не знаете, выиграл ли Тандерболт Сент-Леджер? — спросила она.

Он так растерялся, что не сразу ответил. Она продолжила довольно нетерпеливо:

— В Лондоне должны были знать ещё к шести вечера. Я сегодня спросила уже у полдюжины человек, и никто, кажется, ничего не знает.

От этих страшных слов коротко остриженные волосы Тальбота, казалось, встали дыбом. Господи, что за ужасная женщина! Живое воображение гусара нарисовало ему наследника всех Рэли Болстродов, чьи первые впечатления о мире сложатся под влиянием такой матери. Она выучит его читать по «Скаковому календарю»; сочинит для него царственную азбуку скачек: «Д — это Дерби, главные скачки Англии; Э — это Эпсом, знаменитое место скачек.» — и так далее. Он сказал мисс Флойд, что ни разу в жизни не был в Донкастере, никогда не читал спортивных газет и знает о Тандерболте не больше, чем о царе Хеопсе.

Она взглянула на него с некоторым презрением.

— Хеопс был так себе, — сказала она. — Взял Ливерпульский осенний кубок в год Блинк-Бонни, но почти все говорили, что это случайность.

Тальбот Болстрод снова содрогнулся, однако теперь к ужасу примешалась жалость. «Будь у меня сестра, — подумал он, — я попросил бы её поговорить с этой несчастной и заставить её понять, как она порочна».

Больше Аврора с гусарским капитаном не говорила. Снова устремила прежний далёкий взгляд в пустоту и сидела, вращая браслет на своём изящном запястье. Это был бриллиантовый браслет стоимостью фунтов в двести, подарок отца к сегодняшнему дню. Он вложил бы всё состояние в искусные изделия господ Ханта и Роскелла, вздохни Аврора по драгоценностям и безделушкам. Взгляд мисс Флойд упал на сверкающее украшение. Она долго и внимательно смотрела на него — скорее словно подсчитывала стоимость камней, чем любовалась вкусом работы.

Пока Тальбот наблюдал за нею, полный недоумённой жалости и ужаса, к её стулу поспешил молодой человек напомнить, что она обещала ему кадриль, которая как раз начиналась. Взглянув на бальную книжечку из слоновой кости, золота и бирюзы, она с какой-то презрительной усталостью поднялась и взяла его под руку. Тальбот проводил её глазами. Она была выше большинства гостей, и царственная голова ещё долго не исчезала из виду.

«Клеопатра с курносым носиком на два размера меньше, чем полагается такому лицу, и с любовью к лошадям! — размышлял Тальбот Болстрод об удалившейся богине. — Ей бы вместо костяных табличек носить книжку ставок. Как она была *рассеянна*, пока сидела здесь! Верно, уже набрала ставок на Сент-Леджер и подсчитывала, сколько проиграет. Что делать бедному старому банкиру? Запереть её в сумасшедший дом или провести в Жокей-клуб? С такими чёрными глазами и пятьюдесятью тысячами она могла бы стать во главе скакового света. Была ведь женщина-папа — почему бы не появиться женщине, Наполеону скаковых дорожек?»

Позднее, когда листва бекенхемских лесов шелестела и вздрагивала в тот холодный серый час, что предшествует рассвету, Тальбот Болстрод увёз приятеля из освещённого особняка банкира. Всю долгую дорогу он говорил об Авроре Флойд. Её безумствам не было пощады: он высмеивал, бранил, презрительно осуждал её сомнительные вкусы. Пусть Фрэнсис Льюис Молдон женится на свой страх и риск — он-то заранее поздравляет его с подобной супругой! Будь такая женщина его сестрой, объявил капитан, он бы её застрелил, если бы она не исправилась и не сожгла свою книжку ставок. Он так разъярился из-за проступков молодой девушки и говорил о ней так, словно её любовь к скачкам нанесла ему непростительное личное оскорбление, что наконец бедный кроткий корнет набрался духу и сказал старшему офицеру: Аврора

Флойд — очень славная девушка, добрая девушка, настоящая леди; а если ей и хочется знать победителя Сент-Леджера, капитана Болстрода это вовсе не касается и нечего ему поднимать *такой* вой.

Пока двое мужчин спорят о ней, всё повышая голос, Аврора сидит в своей гардеробной[3] и слушает болтовню Люси Флойд о бале.

Никогда ещё не бывало такого восхитительного праздника, говорила та. Заметила ли Аврора того, и этого, и ещё вон того? А главное, заметила ли капитана Болстрода, который прошёл всю Крымскую войну, хромает и приходится сыном сэру Джону Уолтеру Рэли Болстроду из замка Болстрод близ Кэмелфорда?

Аврора устало покачала головой. Нет, никого из этих людей она не заметила. Детская болтовня бедной Люси мгновенно оборвалась.

— Ты устала, милая Аврора, — сказала она. — Как же жестоко с моей стороны тебя мучить!

Аврора обняла Люси за шею и спрятала лицо на её белом плече.

— Я устала, — сказала она. — Очень, очень устала.

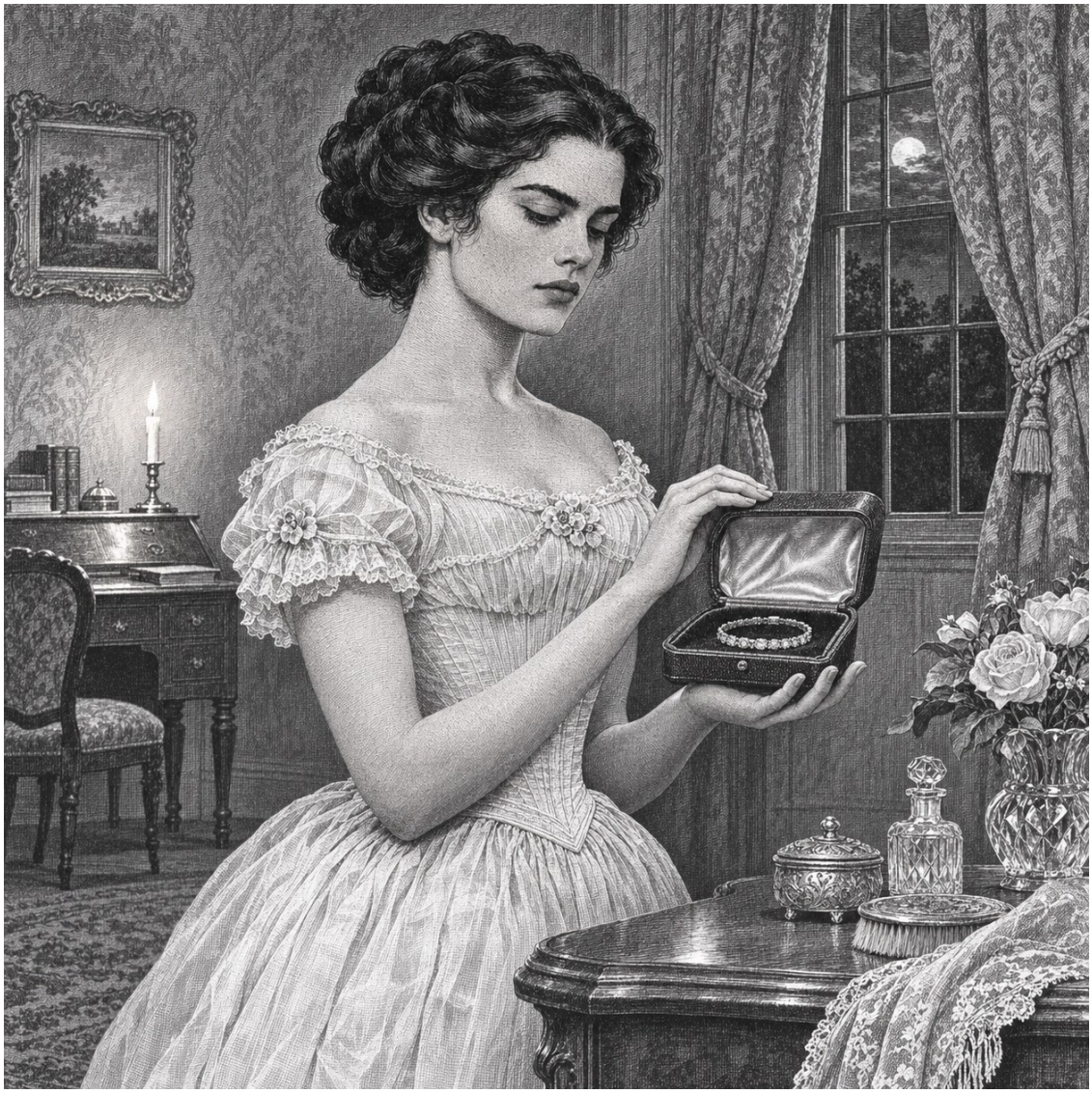
В её голосе прозвучала такая безнадёжная, отчаянная усталость, что кроткая Люси испугалась.

— Ты ведь не несчастна, дорогая Аврора? — тревожно спросила она.

— Нет, нет, я только устала. Ну же, ступай, Люси. Спокойной ночи, спокойной ночи.

Она ласково выпроводила родственницу, отказалась от услуг горничной и отпустила её тоже. Затем, несмотря на усталость, перенесла свечу с туалетного столика к письменному столику на другом конце комнаты, села за него, отперла и достала из самого дальнего отделения грязный листок с карандашными каракулями. Неделю назад его дал ей в Коксper-стрит человек, пытавшийся продать собаку.

Бриллиантовый браслет, подарок Арчибальда Флойда дочери ко дню рождения, лежал на туалетном столике в своём гнёздышке из атласа и бархата. Аврора взяла сафьяновый футляр, несколько мгновений смотрела на драгоценность, потом захлопнула крышку с резким металлическим щелчком.

Браслет — подарок отца.

— У отца были слёзы на глазах, когда он застёгивал этот браслет у меня на руке, — сказала она, снова садясь к письменному столику. — Если бы он увидел меня сейчас!

Она завернула сафьяновый футляр в большой лист писчей бумаги, скрепила свёрток в нескольких местах красным сургучом с простой печатью и надписала:

«J. C.,

для передачи через мистера Джозефа Грина,

гостиница „Колокол“,

Донкастер».

Рано утром мисс Флойд повезла тётку и Люси в Кройдон. Оставив их в магазине берлинской шерсти для вышивания, одна отправилась на почту и отослала ценную посылку заказным отправлением.

Глава 4. После бала

Через два дня после праздника в честь рождения Авроры фаэтон Тальбота Болстрода снова промчался по аллее Фелден-Вудса. Капитан вновь принёс жертву на алтарь дружбы и привёз Фрэнсиса Молдона из Виндзора в Бекенхем, чтобы юный корнет мог тревожно осведомиться о здоровье дам из семейства мистера Флойда: по приятному светскому обычаю считается, что после вечера, проведённого в чередовании вальсов и кадрилей, без таких расспросов никак не обойтись.

Младший офицер был весьма благодарен за эту любезность. Тальбот, хоть и славный малый, не слишком любил утруждать себя ради чужого удовольствия. Куда приятнее было бы капитану провести день у себя, лениво перелистывая учёные сочинения, которые товарищи по полку объединяли под названием «тяжёлое чтение», — или, по общему убеждению этих легкомысленных юнцов, занимаясь в уединении своей комнаты квадратурой круга.

Для товарищей по Одиннадцатому гусарскому Тальбот Болстрод оставался непостижимой загадкой. Его старинные фолианты, напечатанные готическим шрифтом, полированные краснодеревные футляры с математическими инструментами, пробные оттиски гравюр до нанесения надписей — всё это были причуды молодого оксфордского щёголя, а не офицера, сражавшегося и проливавшего кровь под Инкерманом. Молодые люди, завтракавшие у него, трепетали, читая названия огромных книг на полках, и беспомощно таращились на суровых святых и угловатых ангелов на прерафаэлитских гравюрах, развешанных по стенам. Они не смели даже заикнуться о курении в этих священных покоях и стыдились мокрых кругов, которые бутылки мозельского вина оставляли на краснодеревных футлярах.

Бояться Тальбота Болстрода людям казалось так же естественно, как маленьким мальчикам — страшиться приходского служителя, полицейского или учителя, ещё не узнав, какими свойствами наделены эти ужасные существа. Полковник Одиннадцатого гусарского, дородный джентльмен весом в пятнадцать стоунов, чьё имя занимало высокое место в книге пэров, тоже боялся Тальбота. Прямой, проницательный взгляд холодных серых глаз внушал мужчинам и женщинам безмолвный трепет: казалось, он всегда говорил им, что они разоблачены. За офицерским столом полковник не решался рассказывать при Тальботе свои лучшие истории: смутно сознавал, что капитан замечает неувязки в этих блестящих анекдотах, хотя тот ни взглядом, ни жестом никогда не выражал сомнения. Адъютант-ирландец забывал похвалиться победами над прекрасным полом; молодые офицеры понижали голос, обсуждая закулисную жизнь Театра Её Величества; и пробки летели чаще, а смех становился громче, когда Тальбот выходил из комнаты.

Капитан знал, что его больше уважают, чем любят. Подобно всем гордецам, он невольно отталкивал тех, кто тянулся к нему с теплом, и сам же огорчался и страдал оттого, что товарищи к нему не привязываются.

«Неужели из всех миллионов людей на этой огромной земле меня когда-нибудь кто-нибудь полюбит? — думал он. — До сих пор не любил никто. Даже отец с матерью. Они мною гордились, но никогда меня не любили. Сколько молодых повес свели родителей в могилу, сколько седых голов склонили под тяжестью горя, а те до последнего удара сердца любили своих губителей так, как меня не любили за всю мою жизнь! Быть может, мать любила бы меня больше, если бы я доставлял ей больше хлопот; если бы по всему Лондону ходили долговые обязательства под будущее наследство и неоплаченные векселя с именем Болстрода; если бы меня с позором выгнали из полка и я пришёл в Корнуолл без башмаков и чулок, чтобы упасть к её ногам, уткнуться лицом ей в колени и сквозь рыдания поведать о своих грехах и горестях, умоляя заложить вдовье обеспечение ради уплаты моих долгов. Но я никогда ничего у неё не просил, у милой моей матери, кроме любви, — а дать её она мне не смогла. Наверное, потому,

что я не умею просить. Сколько раз сидел я подле неё в Болстроде, толкуя о всяких пустяках, тогда как сердце смутно жаждало броситься ей на грудь и молить: полюби, благослови своего сына! Но между нами вставала ледяная преграда, которую я всю жизнь был бессилен разрушить. Какая женщина меня любила? Ни одна. Они пытались выйти за меня замуж, потому что я стану сэром Тальботом Болстродом из замка Болстрод, — но как быстро переставали ловить эту добычу и отступали, озябшие и разочарованные! Страшно подумать: в будущем марте мне будет тридцать три года, а меня ещё никто не любил. Теперь война окончена; продам офицерский патент и уйду в отставку — здесь товарищам от меня всё равно никакой пользы. И если какая-нибудь милая добрая девушка в меня влюбится, я женюсь на ней, увезу в Болстрод, к отцу и матери, и стану сельским помещиком».

Тальбот Болстрод говорил себе это совершенно искренне. Он желал, чтобы какое-нибудь доброе, чистое создание в него влюбилось, — тогда он сможет на ней жениться. Ему хотелось увидеть свободное, безыскусственное проявление невинного чувства, которое позволило бы сказать: «Меня любят!» В себе самом он почти не ощущал способности любить. Но думал, что будет благодарен любой доброй женщине за бескорыстную привязанность и посвятит жизнь её счастью.

«Всё-таки отрадно было бы знать: разбейся я при крушении поезда или упади с воздушного шара, хоть одно существо на свете почувствует, что без меня мир опустел. Интересно, любили бы меня мои дети? Едва ли. Я заморозил бы их юную нежность латинской грамматикой; они дрожали бы, проходя мимо двери моего кабинета, и переходили бы на испуганный шёпот, когда папа мог их услышать».

Женским идеалом Тальбота Болстрода было кроткое, женственное создание в сиянии светло-рыжеватых волос; робкая душа с потупленным взглядом из-под золотистых ресниц; застенчивое существо, бледное и строгое, как средневековые святые на его прерафаэлитских гравюрах, незапятнанное, как собственное белое платье. Оно должно было обладать всеми женскими достоинствами и талантами, но проявлять их только в тесном домашнем кругу.

Быть может, Тальботу показалось, что он встретил свой идеал, когда семнадцатого сентября 1857 года вошёл с корнетом Молдоном в длинную гостиную Фелден-Вудса.

Люси Флойд стояла возле открытого рояля; её белое платье и бледно-золотые волосы заливал осенний солнечный свет. Много времени спустя, после бурной поры, когда этот образ стёрся и забылся, Тальбот снова увидел в памяти озарённую солнцем фигуру, и длинная гостиная развернулась перед его глазами, словно картина.

Да, вот его идеал. Эта изящная девушка с вечно играющим в волосах мерцанием света и скромно опущенными белыми веками. Однако, как всегда сдержанный, капитан Болстрод после коротких приветствий сел возле рояля и стал смотреть на Люси серьёзными глазами, в которых не выражалось особенного восхищения.

В вечер бала он почти не заметил Люси Флойд. В сущности, она была из тех красавиц, которым свечи мало к лицу: её волосам требовалось солнце, чтобы зажечь вокруг лица золотой ореол, а нежная розовость щёк бледнела в резком свете огромных люстр.

Пока капитан Болстрод созерцал Люси серьёзным, задумчивым взглядом, стараясь понять, отличается ли она чем-нибудь от других знакомых ему девушек и столь же ли чиста душой, как прекрасна лицом, окно напротив него потемнело: между ним и солнечным светом встала Аврора Флойд.

Дочь банкира остановилась на пороге распахнутого до пола окна, обеими руками держась за ошейник громадного мастифа, и нерешительно заглянула в комнату.

Мисс Флойд терпеть не могла утренних визитёров и прикидывала, заметили ли её или ещё можно ускользнуть незамеченной.

Но пёс залился громовым лаем, и дело решилось само собой.

— Тише, Гав-Гав, — сказала она. — Тише, тише, мальчик.

Да, собаку звали Гав-Гав. Псу исполнилось двенадцать лет. Аврора дала ему это имя, когда ей шёл седьмой год, а он был неуклюжим головастым щенком: разваливался на столе во время её уроков, опрокидывал чернильницы на тетрадки и поедал целые главы сокращённой истории Пиннока.

Услышав её голос, джентльмены встали. Мисс Флойд вошла и села поодаль от капитана и Люси, вертя в руках соломенную шляпу и глядя на собаку. Пёс решительно устроился у её кресла и, довольный, застучал по ковру тяжёлым хвостом, словно выбивал двойные удары дверного молотка.

Говорила Аврора мало, а небрежная поза выражала полное равнодушие к посетителям; и всё же её красота затмила бедную Люси, как восходящее солнце гасит звёзды.

Толстые чёрные косы над низким лбом складывались в высокую диадему, венчая восточную императрицу. Императрицу с сомнительным носом, это правда, но царствующую по божественному праву своих глаз и волос. Разве дивные чёрные глаза, которые, быть может, сияют нам лишь однажды в жизни, сами по себе не дают права на царский сан?

Тальбот Болстрод отвернулся от своего идеала, чтобы взглянуть на эту черноволосую богиню с грубой соломенной шляпой в руке и огромной головой мастифа на коленях. Он снова заметил ту рассеянность, которая озадачила его в вечер бала. Она вежливо слушала гостей и отвечала на обращённые к ней слова; но Тальботу казалось, что ей приходится усилием воли заставлять себя следить за разговором.

«Наверное, ждёт не дождётся, когда я уйду, — подумал он. — И, без сомнения, считает меня скучнейшим субъектом, потому что я не говорю с ней о лошадях и собаках».

Капитан возобновил беседу с Люси. Выяснилось, что говорила она точь-в-точь как другие знакомые ему барышни, знала всё то же, что они, и бывала там же, где бывали они. Всё это обсуждалось уже не раз, но Люси вела беседу с очаровательной благопристойностью.

«Славная девушка, — подумал Тальбот, — и была бы превосходной женой для сельского помещика. Хотелось бы, чтобы она в меня влюбилась».

Люси рассказывала ему об одной из поездок по Швейцарии, где прошлой осенью побывала с отцом и матерью.

— А ваша родственница? — спросил он. — Она ездила с вами?

— Нет, Аврора училась в Париже, у девиц Леспар.

— Леспар, Леспар! — повторил он. — Протестантский пансион в предместье Сен-Доминик. Да ведь там воспитывают одну мою родственницу, мисс Тревиллиан! Она там уже года три или четыре. Вы помните Констанс Тревиллиан по пансиону девиц Леспар, мисс Флойд? — спросил Тальбот, обращаясь к Авроре.

— Констанс Тревиллиан! Да, помню, — ответила дочь банкира.

Больше она ничего не сказала, и на несколько мгновений установилось довольно неловкое молчание.

— Мисс Тревиллиан — моя кузина, — сказал капитан.

— Неужели!

— Надеюсь, вы были очень дружны.

— О да.

Она наклонилась к собаке и ласкала её огромную голову, даже не поднимая глаз, пока говорила о мисс Тревиллиан. Казалось, эта тема была ей совершенно безразлична и она не считала нужным даже притвориться заинтересованной.

Тальбот Болстрод закусил губу: его гордость была задета. «Верно, эта надменная наследница презирает Тревиллианов из Тредетлина, — подумал он, — потому что им нечем похвалиться, кроме нескольких сотен акров бесплодной пустоши, нескольких истощившихся оловянных рудников и родословной со времён короля Артура».

Пока офицеры сидели в гостиной, туда вошёл Арчибальд Флойд и приветствовал гостей Фелден-Вудса.

— Вы проделали долгий путь, джентльмены, — сказал он. — Вашим лошадям нужно отдохнуть. Разумеется, вы у нас пообедаете. Нынче полнолуние, обратно поедете — будет светло как днём.

Тальбот взглянул на Фрэнсиса Льюиса Молдона, который сидел, в простодушном восхищении разинув рот и уставившись на Аврору. Молодой офицер знал, что наследница со своими пятьюдесятью тысячами — не для него; но оттого смотреть на неё и мечтать, что и он, как капитан Болстрод, мог бы оказаться старшим сыном богатого баронета, было едва ли менее приятно.

Мистер Молдон принял приглашение столь же сердечно, как оно было сделано; да и Тальбот Болстрод ответил с меньшей, чем обычно, чопорностью.

За разговором прозвенел звонок к завтраку, и небольшое общество перешло в столовую. Миссис Александр Флойд уже сидела за дальним концом стола. Тальбот устроился возле Люси, мистер Молдон — напротив них, а Аврора заняла место подле отца.

Старик был внимателен к гостям, но даже самый поверхностный наблюдатель заметил бы, как неусыпно он следит за Авророй. На его изнурённом заботами лице постоянно жило выражение нежной тревоги. При каждой паузе в разговоре он обращал к дочери взгляд и едва мог отвести его, чтобы исполнить обыкновенные обязанности хозяина. Если она говорила, он слушал — слушал так, словно за каждым небрежным, чуть презрительным словом скрывался тайный смысл, который ему надлежало отыскать и разгадать. Если она молчала, он наблюдал ещё пристальнее, быть может, пытаясь проникнуть сквозь мрачную завесу, которая порою ложилась на её прекрасное лицо.

Беседа с Люси и миссис Александр не настолько поглотила Тальбота Болстрода, чтобы он не заметил этой особенности в обращении отца с единственной дочерью. Он увидел и другое: говоря с банкиром, Аврора теряла ту вялую небрежность, то полуусталое, полупрезрительное равнодушие, которое, казалось, было обычно для неё. Тревожная бдительность Арчибальда Флойда в какой-то мере отражалась и в дочери — правда, лишь порывами, ибо чаще она вновь погружалась в ту угрюмую задумчивость, которую капитан Болстрод отметил в вечер бала. И всё-таки это чувство в ней было, то же самое, что в отце, хотя менее постоянное и сильное: настороженная, тревожная, полупечальная любовь, едва ли возможная при обыкновенных обстоятельствах. К досаде своей, Тальбот Болстрод всё больше размышлял об этом и всё рассеяннее слушал простые речи Люси.

«Что бы это значило? — думал он. — Влюбилась в кого-то, за кого отец запретил ей выйти, и теперь старик старается загладить свою суровость? Едва ли. Женщина с такой посадкой головы и такой шеей непременно должна быть честолюбива — честолюбива и мстительна скорее, чем податлива нежной страсти. Не проиграла ли она половину состояния на тех скачках, о которых спрашивала меня? Я потом у неё узнаю. Быть может, отобрали её книжку ставок, или охромела любимая лошадь, или пристрелили любимую собаку, чтобы избавить её от чумы. Избалованный ребёнок, конечно, эта наследница; и отец, верно, заказал бы для неё копию Луны, если бы ей вздумалось потребовать это небесное светило».

После завтрака банкир повёл гостей в сады, далеко раскинувшиеся по двум сторонам дома, — те самые сады, которые девятнадцать лет назад помогала разбивать бедная Элиза Флойд.

Тальбот Болстрод из-за крымской раны двигался несколько скованно, но миссис Александр и её дочь приноравливали шаг к нему. Аврора шла впереди, с отцом и мистером Молдоном, а мастиф не отставал от её ног.

— Ваша родственница, кажется, довольно горда? — спросил Тальбот у Люси, когда разговор зашёл об Авроре.

— Аврора горда! Ах нет, что вы! Если у неё и есть недостаток — а это самая милая девушка на свете, — так, пожалуй, в том, что гордости ей как раз недостаёт. Я говорю о слугах и тому подобных людях. Она с такой же охотой заговорит с кем-нибудь из садовников, как с вами или со мной; и вы не заметите никакой разницы в её обращении, разве что с ними она будет даже немного сердечнее, чем с нами. Бедняки в окрестностях Фелдена её боготворят.

— Аврора пошла в мать, — сказала миссис Александр. — Живой портрет бедной Элизы Флойд.

— Миссис Флойд была соотечественницей своего мужа? — спросил Тальбот. Ему хотелось понять, откуда у Авроры эти огромные блестящие чёрные глаза и столько южного в красоте.

— Нет, жена моего дяди происходила из ланкаширской семьи.

Из ланкаширской семьи! Если бы Тальбот Рэли Болстрод знал, что фамилия этого семейства — Проддер! Что один из представителей гордого рода провёл юность в приятных занятиях юнги: варил густой кофе и поджаривал жирную сельдь к утренней трапезе угрюмого капитана, получая от крепкого носка хозяйского сапога куда больше телесных вразумлений, чем настоящих медных монет королевства! Если бы он знал, что двоюродная бабушка этой презрительной особы, шедшей впереди во всём величии своей красоты, когда-то держала лавочку в глухой ливерпульской улице и, насколько было известно всем, кроме банкира, могла держать её и до сих пор! Но сведения эти благоразумно скрывали даже от самой Авроры. Ей почти ничего не было известно, кроме того, что, хотя она и родилась с той самой иносказательной серебряной ложкой во рту, всё же была беднее других девушек: у неё не было матери.

Миссис Александр, Люси и капитан догнали остальных на деревенском мостике, где Тальбот остановился передохнуть. Аврора перегнулась через грубые деревянные перила и лениво смотрела на воду.

— Ваш любимец выиграл скачки, мисс Флойд? — спросил он, разглядывая её профиль на фоне солнечного света. Профиль, бесспорно, не слишком красивый, если бы не длинные чёрные ресницы и не сияние под ними, которого не могла скрыть даже самая тёмная их тень.

— Какой любимец? — спросила она.

— Тот конь, о котором вы говорили со мной на балу, Тандерболт. Он выиграл?

— Нет.

— Очень жаль это слышать.

Аврора подняла на него глаза, покраснев от гнева.

— Почему? — спросила она.

— Я думал, вы желали ему победы.

Произнеся это, Тальбот впервые заметил, что Арчибальд Флойд стоит достаточно близко, чтобы слышать их разговор, и вдобавок наблюдает за дочерью ещё пристальнее обычного.

— Не говорите со мной о скачках: это огорчает папу, — тихо сказала Аврора капитану. Тальбот поклонился. «Значит, я угадал, — подумал он. — Вот она, семейная тайна: скачки. Верно, мисс Флойд изо всех сил старается довести отца до банкротства, чтобы его имя попало в „Газетт“, а он всё равно, видно, любит её до безумия. Тогда как я…» В этих словах было столько фарисейства, что капитан Болстрод не стал заканчивать мысль даже про себя. Думал же он вот о чём: «Эту девушку, из-за которой отец, быть может, проводит ночи без сна и дни в мучительной тревоге, нежно любят; а меня, образец для всех старших сыновей Англии, никто за всю жизнь не любил».

В половине седьмого большой колокол Фелден-Вудса залился громким звоном. Он дрожал над верхушками деревьев, возвещая всей округе, что семейство идёт переодеваться к обеду. В семь колокол зазвонил снова, извещая жителей Бекенхема и Уэст-Уикема: хозяин Флойд с домочадцами садится за стол. Но звон этот не был ни пустым, ни неприятным: голодным беднякам он обещал остатки еды, вкусные и нежные яства, которые отдавали почти без

просьб в помещениях для прислуги. Обрезки фрикандо и кусочки изысканных блюд, четвертинки цыплят и тушки фазанов пошли бы откармливать свиней к Рождеству, если бы Арчибальд Флойд строго не приказал раздавать всё желающим.

Мистер Флойд и его гости оставались в садах и после того, как дамы ушли переодеваться. Обед прошёл очень оживлённо: Александр Флойд приехал из Сити к жене и дочери и привёз шумного мальчика, которому предстояло отправиться в Итон и который страстно обожал Аврору. Тальбот Болстрод не мог понять, объяснялось ли всё влиянием этого юного джентльмена или той переменчивостью, которая, казалось, была свойственна девушке. Несомненно лишь то, что мрачная туча исчезла с лица мисс Флойд и она отдалась веселью с таким сияющим очарованием, что отец вспомнил вечер, когда Элиза Персивал в последний раз играла леди Тизл, прощаясь со сценой маленького ланкаширского театра.

Этой перемены в дочери было достаточно для полного счастья Арчибальда Флойда. Улыбки Авроры словно оживили всех присутствующих. Лёд растаял: выглянуло солнце, и зиме наконец пришёл конец. Тальбот Болстрод ломал голову, пытаясь понять, почему эта женщина — такое несравненное, пленительное создание. Почему, сколько бы он ни спорил с очевидным, он всё же позволяет черноглазой сирене себя околдовать; охотно пьёт из чаши с *бангом*, которую она ему протягивает, и быстро пьянеет.

«В свой светловолосый идеал я почти мог бы влюбиться, — думал он, — но этой необыкновенной девушкой невольно восхищаешься. Она похожа на миссис Нисбетт в зените славы и красоты; на Клеопатру, плывущую по Кидну; на Нелл Гвин, продающую апельсины; на Лолу Монтес, сражающуюся с баварскими студентами; на Шарлотту Корде, которая с ножом в руке стоит за спиной друга народа, сидящего в ванне. Она похожа на всё прекрасное, странное, порочное, неженственное и чарующее; именно в такое создание иной дурак непременно влюбится».

Он ушёл на другой конец комнаты, подальше от чаровницы, и сел возле рояля, за которым Люси Флойд играла медленные, гармоничные симфонии Бетховена. Гостиная в Фелден-Вудсе была так длинна, что, сидя у рояля, капитан Болстрод смотрел на весёлую группу вокруг наследницы словно из заднего ряда ложи на театральную сцену. Наблюдая за изящными жестами Авроры и игрой её сверкающих глаз, он почти пожалел, что у него нет бинокля. Потом повернулся к роялю, прислушался к усыпляющей музыке и стал созерцать лицо Люси, дивно белое в сиянии той полной луны, о которой говорил Арчибальд Флойд. Свет её лился в открытое окно и гасил тусклые восковые свечи на рояле.

Всё, чего особенно недоставало красоте Авроры, Люси получила в избытке. Нежность очертаний, совершенство черт, чистота красок — всё было при ней. Но если одно лицо ослепляло сияющим великолепием, прелесть другого производила лишь слабое впечатление: оно возникало медленно, исчезало быстро. На свете столько Люси и так мало Аврор! К одной невозможно было подступиться с меркой критика, другую рассматривали безжалостно. Тальбота Болстрода влекло к Люси смутное убеждение, что именно это доброе робкое создание предназначено сделать его счастливым. Но смотрел он на неё так спокойно, словно она была статуей, и замечал её недостатки не хуже скульптора, разбирающего работу соперника.

И всё же это была как раз та женщина, из которой вышла бы хорошая жена. Заботливая мать воспитывала её именно для этого. Чистота и добродетель с колыбели охраняли и окружали её. Она не видела непристойных зрелищ, не слышала непристойных речей. О пороках и ужасах огромного мира знала не больше младенца. Она была благовоспитанна, образованна, владела светскими искусствами; и пусть множество девушек являли точно такой же образец изящной женственности — это был, несомненно, самый высокий, самый святой и самый лучший образец.

Позднее, когда фаэтон капитана Болстрода подвели к ступеням перед парадным входом, небольшое общество собралось на террасе проводить офицеров. Банкир сказал гостям, что надеется видеть в этом посещении Фелдена начало долгого знакомства.

— Я собираюсь увезти Аврору и племянницу в Брайтон, на месяц или около того, — сказал он, пожимая капитану руку. — Но когда мы вернёмся, приезжайте к нам как можно чаще.

Тальбот поклонился и, запинаясь, поблагодарил банкира за радушие. Аврора и её родственник Перси Флойд, юный итонец, уже спустились по ступеням и любовались чистокровными гнедыми капитана Болстрода; глядя на эту картину при лунном свете, капитан то и дело отвлекался от разговора.

Он никогда не забывал этой картины. Аврора с венцом кос, глухо черневших на фоне фиолетового воздуха, в шёлковом платье, мерцавшем в неверном свете; изящная голова гнедой лошади над её плечом; белые, унизанные кольцами руки ласкают тонкие лошадиные уши, а полуслепой старый мастиф, смутно ревнуя, жалобно скулит подле неё.

Как удивительно бывает взаимное расположение между иными людьми и бессловесными тварями! Думаю, лошади и собаки понимали каждое слово Авроры, в тёмной глубине своих немых душ боготворили её и охотно пошли бы на смерть, чтобы ей услужить. Тальбот наблюдал за всем этим в тревожном недоумении.

«Неужели эти существа мудрее нас? — думал он. — Неужели они различают в девушке высшие качества, которых не видим мы, и преклоняются перед их величием? Будь эта ужасная женщина с её неженскими вкусами и загадочными склонностями низка, труслива, лжива или нечиста, вряд ли мастиф любил бы её так; вряд ли мои чистокровные позволили бы её рукам касаться уздечек. Пёс зарычал бы, лошади стали бы кусаться — как бывало в те далёкие времена, когда животные распознавали колдовство и злых духов и содрогались от присутствия нечистой силы. Пожалуй, эта мисс Флойд — доброе, великодушное создание; из тех, кого повесы называют славными девчонками. Только „Скаковой календарь“ и „Справочник Раффа“ она знает так же хорошо, как другие барышни — романы мисс Йонг. Мне, право же, жаль её».

Глава 5. Джон Меллиш

Дом, который банкир снял в Брайтоне на октябрь, примостился высоко на Ист-Клиффе, далеко над волнами, гонимыми ветром. В ясные осенние утра из верхних окон смутно виднелся багровый берег у Шорхема, а Цепной пирс казался ленточкой, протянутой внизу у обрыва. На мой вкус, место куда приятнее ровных террас на западе, из окон которых море выглядит маленьким, а горизонт — отстоящим от набережной всего на какую-нибудь половину мили.

Прежде чем увезти дочь и её родственницу в Брайтон, мистер Флойд сделал распоряжение, которое, несомненно, счёл убедительным доказательством собственной мудрости: нанял даму, призванную соединять обязанности гувернантки, компаньонки и блюстительницы приличий при Авроре. По словам миссис Александр, та крайне нуждалась в образованной и бдительной наставнице, которая взялась бы направлять и подрезать буйные побеги её натуры, с младенчества предоставленные самим себе. Прекрасному кусту больше не позволят стелить дикие ветви по земле или по своей прихоти тянуться к голубому небу: его подстригут, подрежут и чинно прикрепят к каменной стене общества жестокими гвоздями и врезающимися в кору полосками ткани. Иными словами, в «Таймс» появилось объявление: в семью джентльмена, для которого размер жалованья не имеет значения, требуется благородная по происхождению и воспитанию дама, способная завершить образование девушки и составить ей общество. При условии, разумеется, что означенная дама в совершенстве владеет всеми существующими на свете искусствами и вообще представляет собой такое исключительное и необычайное существо, какие встречаются лишь в отделе объявлений популярной газеты.

Но даже если бы весь мир населяли исключительные существа, мистеру Флойду едва ли прислали бы больше ответов, чем обрушилось на несчастного почтмейстера в Бекенхеме. Тот всерьёз подумывал нанять телегу, чтобы возить письма во Фелден. Объяви банкир, что ищет жену, и укажи размеры своего дохода — писем вряд ли было бы больше. Казалось, всё женское население Лондона как один человек воспылало желанием развить ум и облагородить манеры дочери джентльмена, для которого жалованье не имеет значения. Вдовы офицеров, священников, юристов и купцов, дочери знатных, но обедневших джентльменов, осиротевшие дочери всевозможных благородных и выдающихся особ — каждая без исключения заявляла, что из всех живущих на земле именно она лучше других подходит на эту должность. Миссис Александр Флойд отобрала шесть писем, остальные бросила в корзину, велела подать карету банкира и отправилась в Лондон повидать шестерых корреспонденток. Дама практическая и энергичная, она устроила соискательницам столь суровую поверку, что, вернувшись к мистеру Флойду, объявила: только одна из них хоть на что-нибудь годится и завтра же приедет в Фелден-Вудс.

Избранница была вдовой прапорщика, умершего через полгода после свадьбы и примерно за полтора часа до того, как ему предстояло унаследовать какое-то несметное состояние. Подробности этой истории друзья несчастной вдовы так и не сумели уяснить. Но при всей своей туманности она достаточно ясно определяла жизненную участь миссис Уолтер Пауэлл — женщины, обманутой в надеждах. У неё были прямые светлые волосы, голову она склоняла с благовоспитанной скромностью. Она вышла из школы, чтобы выйти замуж, и после шести месяцев супружества вернулась в ту же школу наставницей младших учениц. Всю жизнь она либо училась, либо учила; в молодости занималась своего рода преподаванием со дня на день, утром обучая тому, что выучила накануне вечером; не упускала случая пополнить свои познания; приобрела механическую сноровку в музыке и живописи и попугайскую ловкость в иностранных языках. Она прочла все положенные ей книги и знала всё, что ей полагалось знать, а вне этого круга, за стенами классной комнаты, оставалась невежественной, бездушной, низменной и вульгарной. Аврора кое-как проглотила горькую пилюлю и приняла миссис Пауэлл как лицо,

уполномоченное её совершенствовать, — своего рода балласт, который предстояло бросить в блуждающую ладью, чтобы выправить её своенравный курс и уберечь от скал и отмелей.

— Видно, придётся мне её терпеть, Люси, — сказала она, — и позволить этому бедному выцветшему созданию меня развивать и воспитывать. Интересно, будет ли она похожа на мисс Драммонд, которая отпускала меня с уроков и читала романы, пока я носилась по саду и конюшням? Я её вытерплю, Люси, пока со мной ты; но, окажись я прикованной наедине к этой угрюмой бледной сторожевой собаке, я бы, кажется, сошла с ума.

Из Фелдена в Брайтон мистер Флойд и его домашние поехали в просторной дорожной карете банкира. Горничная Авроры сидела сзади на открытом сиденье, на крыше громоздились дорожные сундуки, а внутри экипажа поместилась миссис Пауэлл с юными подопечными. Миссис Александр вернулась в Фулем, выполнив, по её мнению, свой долг: обеспечила Аврору попечительницей. Люси же должна была остаться с Авророй в Брайтоне и вместе с ней ездить верхом по меловым холмам. Верховых лошадей отправили накануне с грумом Авроры, седым и довольно угрюмым стариком, тридцать лет прослужившим у Арчибальда Флойда; мастиф по имени Гав-Гав ехал с хозяйкой в карете.

Примерно через неделю после приезда в Брайтон Аврора и Люси гуляли по Уэст-Клиффу. При их приближении со скамьи поднялся джентльмен с негнущейся ногой, до тех пор слушавший оркестр, и медленно направился к ним. Люси, слегка покраснев, опустила глаза, а Аврора в ответ на приветствие капитана Болстрода протянула ему руку.

— Я так и думал, что непременно встречу вас здесь, мисс Флойд, — сказал он. — Я приехал только сегодня утром и собирался зайти к Фолторпу узнать адрес вашего отца. Он совершенно здоров?

— Совершенно… да, то есть… довольно здоров. — Пока она говорила, по лицу скользнула тень. Удивительно легко сменялись на этом лице свет и тени. — Но мы не ожидали увидеть вас в Брайтоне, капитан Болстрод. Мы думали, ваш полк всё ещё стоит в Виндзоре.

— Да, мой полк… то есть Одиннадцатый всё ещё в Виндзоре, но я продал свой офицерский патент.

— Продали патент! — И Аврора, и Люси широко раскрыли глаза, услышав эту новость.

— Да, мне наскучила военная служба. Теперь, когда война кончилась, это скучное занятие. Можно было, конечно, перевестись и поехать в Индию, — добавил он, словно возражая на собственные доводы, — но я уже не молод, и странствовать по свету мне надоело.

— А я хотела бы поехать в Индию, — сказала Аврора, глядя на море.

— Ты, Аврора? Но зачем? — воскликнула Люси.

— Потому что я ненавижу Англию.

— Я думала, тебе не нравится Франция.

— Я ненавижу их обе. Зачем существует этот огромный мир, если мы должны вечно сидеть на одном месте, прикованные к одним и тем же мыслям, скованные тесным кругом одних и тех же людей, вечно видеть тех, кого ненавидим, и слышать о них, не имея возможности избавиться даже от мерзкого звука их имён? Я хотела бы стать миссионеркой и отправиться в глубь Африки с доктором Ливингстоном и его семьёй. И отправилась бы, если бы не папа.

Бедная Люси смотрела на Аврору в беспомощном изумлении. Тальбот Болстрод снова впадал в то недоумение, в какое неизменно повергала его эта девушка. Что значили эти приступы уныния и вспышки горечи у девятнадцатилетней наследницы? Может быть, всё-таки всего лишь желание казаться необыкновенной?

Пока он задавал себе этот вопрос, Аврора обратила к нему самую сияющую улыбку.

— Вы ведь придёте повидать папу? — спросила она.

Капитан Болстрод объявил, что не желает большего счастья, чем засвидетельствовать почтение мистеру Флойду, и в доказательство пошёл с барышнями к Ист-Клиффу.

С этого утра офицер стал постоянным гостем в доме банкира. Играл с Люси в шахматы, аккомпанировал ей на фортепьяно, когда она пела, давал ценные советы, когда она писала акварелью: здесь клал светлый мазок, там обозначал просвет неба, усиливал коричневые тона осенней листвы и лиловые краски у горизонта. Словом, был всячески полезен молодой особе, которая, как нам известно, владела всеми подобающими леди искусствами. Миссис Пауэлл сидела у одного из окон уютной гостиной и озаряла молодых людей благосклонным светом своего поблёкшего лица и бледно-голубых глаз, воплощая в собственной особе все требования приличия. Аврора же, когда погода не позволяла ей ездить верхом, занимала себя скорее беспокойно, чем полезно: хватала книги и бросала их, теребила Гав-Гаву уши, смотрела в окна, рисовала карикатуры на прогуливающихся по обрыву и поминутно доставала чудесные маленькие часики с подвешенной к ним гроздью необъяснимых золотых безделушек — узнать, который час.

Наклоняясь над фортепьяно или рисовальной доской Люси, обдумывая очередной ход ферзём, Тальбот Болстрод имел довольно досуга, чтобы наблюдать за мисс Флойд и ужасаться бесцельности, с какой молодая особа проводила дождливые утра. Порою он видел, как она углублялась в «Беллз лайф», к великому ужасу миссис Уолтер Пауэлл: та смутно представляла себе нечестивые дела, описываемые в этой страшной газете, но не решалась настолько воспользоваться своей властью, чтобы запретить её чтение.

Миссис Пауэлл с молчаливым одобрением наблюдала, как сближаются кроткая Люси Флойд и капитан. Поначалу она опасалась, что Тальбот ухаживает за Авророй, но поведение обоих скоро рассеяло тревогу. Нельзя было обращаться с офицером приветливее, чем обращалась мисс Флойд, и всё же она проявляла к нему то же равнодушие, что ко всему прочему, кроме собаки и отца. Неужели это почти совершенное лицо, эта горделивая грация не имели власти над дочерью банкира? Возможно ли часами находиться в обществе самого красивого и знатного человека из всех, кого когда-либо встречала, и оставаться столь же безмятежной сердцем, как в начале знакомства? Среди них был человек, который непрестанно задавал себе этот вопрос и никак не находил удовлетворительного ответа, — Люси Флойд. Бедная Люси Флойд, денно и нощно игравшая в уме в ту старую немецкую игру, в которую играли Фауст и Маргарита с распустившейся розой в саду: «Любит — не любит!»

Миссис Уолтер Пауэлл могла в своей близорукости считать, что капитана Болстрода привлекает на Ист-Клифф Люси; но сама Люси знала правду — горькую, мучительную правду.

«Внимание капитана Болстрода к мисс Люси Флойд совершенно очевидно», — сказала однажды миссис Пауэлл, когда капитан ушёл после долгого утра за музыкой, пением и шахматами. Как же Люси ненавидела эту чопорную фразу! Никто не знал лучше неё, чего стоило это «внимание». Они жили в Брайтоне шесть недель, и последние пять капитан проводил с ними почти каждое утро. Ездил с ними верхом по холмам, катался в экипаже к Дайку, стоял рядом, слушая оркестр, помещался за их спинами в ложе хорошенького маленького театра, вместе с ними протискивался в Павильон послушать Гризи и Марио, Альбони и бедную Бозио. Он сопровождал их во всех брайтонских развлечениях и, казалось, никогда не уставал от их общества. И при всём том Люси знала, что скажет ей последний лепесток розы, когда все прочие будут оборваны и останется бедный голый стебель. Она знала, как часто капитан забывает перевернуть страницу бетховенской сонаты; как часто кладёт зелёные мазки на горизонт, которому следовало быть лиловым, и подкрашивает розовым деревья переднего плана; как позволяет поставить себе постыдный мат из одного лишь невнимания и отвечает ей невпопад, рассеянно, наугад. Она знала, как он беспокоится, когда Аврора читает «Беллз лайф», и как вздрагивает от самого шуршания газеты, словно от нервной боли. Она знала, как он нежен с полуслепым мастифом, как старается подружиться с ним, как почти заискивает перед этим величавым животным. Словом, Люси знала то, чего ещё не знал сам Тальбот: он всё глубже, всё

безнадёжнее влюблялся в Аврору. А ещё она смутно чувствовала: ему куда больше хотелось бы полюбить её, Люси, и он вслепую борется с растущей страстью.

Так оно и было: он влюблялся в Аврору. Чем упорнее протестовал, чем решительнее преувеличивал её безрассудства и доказывал себе безумие любви к ней, тем вернее её любил. Сама борьба, которую он вёл, не давала ни на минуту забыть о ней, и он стал безраздельным рабом прекрасного видения, которое сам же вызывал лишь затем, чтобы попытаться его изгнать.

«Как привезти её в Болстрод и представить отцу с матерью?» — думал он; и тотчас видел, как она озаряет старинный корнуоллский дом сиянием своей красоты, пленяет отца, очаровывает мать, скачет по вересковой пустоши на своей породистой кобыле и сводит весь приход с ума от восхищения.

Он чувствовал, что частые посещения дома мистера Флойда всё сильнее обязывают его в глазах домашних. Порой ему казалось, что честь требует сделать Люси предложение; порой он доказывал себе, что никто не вправе считать его внимание к одной барышне более особенным, чем к другой. Знай он об изнурительной игре, в которую Люси непрестанно играла с воображаемой розой, — уверена, не прошло бы и часа, как он предложил бы ей руку. Но дочь миссис Александр была слишком хорошо воспитана, чтобы выдать хоть одно движение сердца; свои девичьи страдания, свои ежечасные муки она несла и скрывала с тихим терпением, свойственным этим простым женственным мученицам. Она знала: скоро будет сорван последний лепесток, и сладкая боль неизвестности кончится навсегда.

Одному небу известно, сколько ещё Тальбот Болстрод сражался бы со своей растущей страстью, если бы не событие, положившее конец его колебаниям и толкнувшее его на отчаянный шаг. Этим событием было появление соперника.

Однажды ноябрьским днём он гулял с Авророй и Люси по Уэст-Клиффу. Вдруг у ограды, отделявшей их от дороги, остановился запряжённый парой дорожный фаэтон. Из него выскочил рослый человек, обмотанный от пояса до плеч объёмистым шотландским пледом; забрызгав ноги грязью, он бросился к Тальботу, на ходу снимая шляпу и извиняюще кланяясь дамам.

— Ну и ну, Болстрод! Кто бы мог подумать, что встречу тебя здесь? Я слышал, ты в Индии, дружище. А что у тебя с ногой?

От спешки и волнения он так запыхался, что совершенно пренебрегал знаками препинания, и, казалось, с трудом заставлял себя молчать, пока Тальбот представлял дамам мистера Меллиша, своего старого друга и школьного товарища. Незнакомец с таким восхищением уставился на чёрные глаза мисс Флойд, разинув рот, что капитан почти свирепо повернулся к нему и спросил, что привело в Брайтон *его*.

— Охотничий сезон, дружище! Йоркшир надоел: знаю каждый луг, канаву, изгородь, пруд, ров, каждое деревцо во всех трёх райдингах. Остановился в «Бедфорде», привёз своих лошадей. Хочешь — завтра дам тебе верховую. Охота на зайца, сбор в одиннадцать на Дайкроуд. Есть у меня серый — тебе подойдёт как нельзя лучше: мой вес носит, а сидеть на нём так же удобно, как в твоём кресле.

Тальбот возненавидел приятеля за разговор о лошадях; его охватил ревнивый страх. Может быть, именно такой человек приятен Авроре — этот рослый пустоголовый йоркширец со своей болтовнёй о конюшне и охотничьих сборах. Но он резко обернулся, внимательно посмотрел на мисс Флойд и с удовлетворением увидел, что та безучастно глядит на сгущающийся над морем туман и, по-видимому, не замечает самого существования мистера Джона Меллиша из Меллиш-Парка в Йоркшире.

Этот Джон Меллиш был, как я уже сказала, человек рослый и казался ещё больше благодаря восьми ярдам толстого пастушьего пледа, искусно обмотанного вокруг плеч. Ему было по меньшей мере тридцать лет, но в повадках оставалось столько мальчишеского задора, а в лице — столько юной, невинной радости, что его легко было принять за восемнадцатилетнего юнца, только что вырвавшегося из какой-нибудь частной школы, где исповедовали христиан-

ство сильных телом. Думаю, преподобному Чарлзу Кингсли пришёлся бы по душе этот рослый, сердечный, широкогрудый молодой англичанин с каштановыми волосами, зачёсанными с открытого лба, и густыми рыжеватыми усами над ртом, вечно готовым расплыться в смехе. Да и что за смех! Такой весёлый, такой раскатистый, что прохожие на набережной оборачивались поглядеть на обладателя столь могучих лёгких и добродушно улыбались, невольно заражаясь его бесхитростным весельем.

Тальбот Болстрод отдал бы сто фунтов, лишь бы отделаться от шумного йоркширца. Что ему понадобилось в Брайтоне? Разве самое большое графство Англии недостаточно просторно, чтобы вместить его? Зачем понадобилось тащить свой северный гвалт в Суссекс и досаждать друзьям Тальбота?

Капитан Болстрод отнюдь не обрадовался, когда чуть дальше они встретили Арчибальда Флойда, вышедшего на поиски дочери. Старик попросил представить его мистеру Меллишу и пригласил добродушного йоркширца в тот же вечер обедать на Ист-Клифф. Раздражённый ещё больше, Тальбот угрюмо отстал и предоставил Джону знакомиться с дамами. Этот бесцеремонный медведь сумел расположить их к себе за каких-нибудь десять минут: к тому времени, как они дошли до дома банкира, он держался с Авророй свободнее, чем наследник Болстродов после двух месяцев знакомства. Он проводил их до самого крыльца, пожал руки дамам и мистеру Флойду, потрепал мастифа Гав-Гава, игриво хлопнул Тальбота по плечу с силой кузнечного молота и побежал в «Бедфорд» переодеваться к обеду. Он был в таком прекрасном расположении духа, что сбивал с ног мальчишек и налетал на щеголей, которые застывали в чопорном изумлении, когда этот верзила проносился мимо. Он напевал отрывок охотничьей песни, взбегая по широкой лестнице в своё гнездо под крышей «Бедфорда», и болтал с камердинером, пока одевался.

Казалось, он был нарочно создан для благополучия — владеть богатством и раздавать его, расточать блага. Незнакомые люди наперебой спешили ему услужить, заранее, по чутью зная, что их труды будут щедро вознаграждены. В кофейной зале официанты бросали другие столики ради его стола. Театральный служитель оставлял шестерых зрителей мёрзнуть в унылом коридоре, пока искал место Джону Меллишу. Нищие выделяли его в толпе на людной улице, увязывались следом, и от них нельзя было отделаться без подаяния из кармана просторного жилета. Он вечно тратил деньги для удобства других. В Меллиш-Парке у него была целая армия старых слуг: они обожали хозяина и помыкали им, как водится у их племени. Конюшни были полны хромых, бельмастых или иным образом негодных к службе лошадей; те жили на его щедроты, словно весёлая артель конских богадельников, и съедали столько овса, что хватило бы на целую скаковую конюшню. Он непрестанно платил за вещи, которых не заказывал и не получал; милые честные люди вокруг него постоянно его обманывали. И всё же эти люди, старавшиеся изо всех сил разорить его, пошли бы за него в огонь и в воду; а приди разорение — остались бы с ним, трудились ради него и содержали его на те самые сбережения, ради которых его обкрадывали.

Если у «мастера Джона» болела голова, все в этом беспорядочном доме тревожились и горевали, пока недуг не проходил; каждый конюшенный мальчишка и каждая служанка жаждали испытать на нём собственное целительное средство. Скажи вы в Меллиш-Парке, что румяное лицо Джона и широкие плечи — не высшее воплощение мужской красоты и изящества, вас сочли бы человеком без вкуса и здравого суждения. Для домочадцев Джон Меллиш в алом охотничьем сюртуке и сапогах с выбеленными отворотами был прекраснее Аполлона Бельведерского, чья маленькая бронзовая статуя украшала нишу в холле. Скажи вы им, что четырнадцать стоунов веса вовсе не обязательны для мужского совершенства, что существуют, возможно, достижения более высокие, чем умение править тройкой, запряжённой одной лошадью впереди пары, подстрелить за утро сорок семь голов дичи, вправить плечо гнедой кобыле,

пострадавшей на охоте, или одолеть Джо Миллингса, кулачного бойца из Восточного райдинга, даже не запыхавшись, — эти простодушные йоркширские слуги рассмеялись бы вам в лицо.

Тальбот Болстрод жаловался, что все его уважают и никто не любит. Джон Меллиш, пожелай он того, мог бы пожаловаться на обратное. Кто мог не любить честного, щедрого сквайра, чей дом и кошелёк были открыты для всей округи? Кто мог испытывать хоть сколько-нибудь холодного почтения к дружелюбному и простому хозяину, который садился на стол в просторной кухне Меллиш-Парка, среди собак и слуг, и рассказывал о дневных приключениях на охоте, пока старый слепой фоксхаунд у его ног не поднимал большую голову и не начинал тихонько подвывать? Нет, Джон Меллиш был вполне доволен тем, что его любят, и никогда не расспрашивал о качестве полученной любви. Для него вся она была чистейшим самородным золотом. Можно было двенадцать часов кряду убеждать его, что мужчины и женщины низки и корыстны, что слуги, арендаторы и бедняки вокруг его имения любят его за доставляемые им земные блага, — он бы не поверил. Он был доверчив, как ребёнок, убеждённый, что феи в пантомиме остаются феями во веки веков, а арлекин рождается в маске и пёстром костюме. Был доступен лести, как школьница, раздающая припасы из присланной корзины кружку подхалимок. Когда ему говорили, что он славный малый, он верил, соглашался и думал, что весь мир — сердечное, честное место и всякий в нём — славный малый. Сам не имея *задних мыслей*, он не искал их и в чужих словах: считал, что все столь же прямо и неуклюже, как он, выпаливают подлинное мнение, обижая или радуя ближних.

Будь он порочен, он, без сомнения, совершенно сбился бы с пути и попал в руки негодяев. Но натура его была от природы чиста и невинна, и самые большие его безрассудства были не хуже проказ рослого школьника, который грешит от избытка жизненных сил. Мать он потерял на первом году жизни, отец умер задолго до его совершеннолетия — сдерживать его поступки было некому. Немало значило в тридцать лет оглянуться на незапятнанные отрочество и юность, которые могли бы быть осквернены сточной грязью и пропитаны смрадом вертепов. Разве не было у него права этим гордиться?

Что в конце концов может сравниться величием с чистой, незапятнанной жизнью — со светлой картиной, в глубине которой не притаились уродливые тени, со стройной поэмой, где ни одна кривая, хромающая строка не портит стиха, с благородной книгой, где нет нечестивой страницы, с простой повестью, которую могут читать наши дети? Какая возвышенность выше этой? Какое благородство благороднее? Всего несколько месяцев назад целый народ скорбел в один голос; мы опускали шторы, заслоняя тусклый свет декабрьского дня, и с печалью слушали далёкие удары пушек; беднейшие из бедных забывали будничные заботы, чтобы оплакать овдовевшую королеву и осиротевших детей в опустевшем дворце; грубые кучера омнибусов переставали бранить друг друга, привязывали к бичам пристойные лоскутки крепа и печально занимались своим обычным делом, думая о великом горе в Виндзоре[1]. И все в один голос прежде всего говорили о безупречном нраве ушедшего: нежного мужа, заботливого отца, доброго хозяина, щедрого покровителя, рассудительного советчика, незапятнанного джентльмена.

Много лет прошло с тех пор, как Англия оплакивала другую царственную особу, которую звали «джентльменом». Джентльмена, любившего грубые розыгрыши, устраивавшего позорные оргии и преследовавшего несчастную чужеземку, чьи главные грех и беда состояли в том, что она была его женой; джентльмена, который сам кроил себе панталоны и бросил умирать в нужде и отчаянии спутника самых буйных своих пиров — гения, чей блеск придавал ложное сияние мрачным сатурналиям порока. Право, можно надеяться, что за последние тридцать лет мы изменились к лучшему: ведь сегодня в простое звание «джентльмен» мы вкладываем иной смысл. Потому я и испытываю некоторую гордость за двух молодых людей, о которых пишу: по той лишь причине, что мне не приходится прикрывать тёмных пятен в истории ни одного из них. Возможно, мне не удастся заставить вас полюбить их, но я обещаю: стыдиться их вам будет незачем. Тальбот Болстрод, быть может, оскорбит вас своей угрюмой гордостью; Джон

Меллиш покажется всего лишь неловким деревенским невеждой, — но ни один никогда не возмутит вас дурным словом или нечистой мыслью.

Глава 6. Отказ и согласие

Обед у мистера Флойда прошёл очень весело. Когда в одиннадцать вечера Джон Меллиш и Тальбот Болстрод покинули Ист-Клифф и зашагали на запад, йоркширец объявил приятелю, что никогда ещё так хорошо не проводил времени. Это заявление, правда, следовало принимать с оговорками: Джон делал его примерно трижды в неделю. Но в обществе семьи банкира он действительно был очень счастлив и, более того, был готов обожать Аврору Флойд без всякой дальнейшей подготовки.

Нескольких сияющих улыбок и блестящих взглядов, немного оживлённой беседы об охоте и скачках в сочетании с полудюжиной бокалов тех игристых вин, которые Арчибальд Флойд выписывал из прекрасной долины Мозеля, вполне хватило, чтобы вскружить Джону Меллишу голову и заставить его под луной исступлённо разглагольствовать о достоинствах прекрасной наследницы.

— Поистине, я, видно, умру холостяком, Тальбот, — сказал он, — если не уговорю эту девушку выйти за меня. Знаю её всего каких-нибудь шесть часов, а уже влюбился по уши. Что это меня так с ног сбило, Болстрод? Я и других видел с чёрными глазами и волосами, а о лошадях она знает не больше половины йоркширских женщин — значит, дело не в этом. В чём же, а?

Задавая этот вопрос, он резко остановился у фонарного столба и свирепо уставился на друга.

Тальбот молча скрипнул зубами.

Значит, бесполезно бороться с судьбой, подумал он. Чары этой женщины действуют на других так же, как на него. Пока он спорит со своей страстью и возмущается ею, какой-нибудь безмозглый малый вроде Меллиша вмешается и завладеет наградой.

На ступенях гостиницы «Олд-Шип» он пожелал приятелю спокойной ночи и направился прямо к себе в номер. Там он сидел у открытого окна, глядя на залитое луной море; ноябрьская ночь была тёплой. Он решил сделать Авроре Флойд предложение завтра до полудня.

Почему ему медлить?

Этот вопрос он уже сто раз задавал себе и всякий раз не мог ответить — и всё-таки медлил. Он не мог отделаться от смутной мысли, что в жизни девушки есть какая-то тайна: секрет, известный только ей и отцу, пятно в прошлом, бросающее тень на настоящее. И всё же как такое возможно? Как возможно, спрашивал он себя, если вся её жизнь — девятнадцать лет и историю этих лет он слышал не раз? Сколько раз он хитроумно наводил Люси на простой рассказ о детстве её родственницы! О гувернантках и учителях, приезжавших в Фелден-Вудс и уезжавших; о пони и собаках, щенках и котятах, обласканных жеребятах; о маленькой алой амазонке, сшитой для наследницы, когда та ездила за гончими со своим родственником Эндрю Флойдом. Самые страшные пятна, какие удавалось обнаружить офицеру в этих ранних годах, сводились к нескольким разбитым фарфоровым вазам и обилию чернил, пролитых на скверно написанные французские упражнения. Почти до восемнадцати лет Аврора училась дома, потом её отдали в парижский пансион для завершения образования — вот и всё. Она жила обыкновенной жизнью девушек своего круга, отличаясь от большинства лишь куда большим обаянием и чуть большим своеволием.

Тальбот посмеялся над своими сомнениями и колебаниями.

— Какой же я подозрительный зверь, — сказал он, — если воображаю, будто напал на след тайны лишь потому, что в голосе старика, когда он говорит с единственным ребёнком, слышится печальная нежность! Будь мне шестьдесят семь и имей я такую дочь, как Аврора, разве к моей любви не примешивался бы всегда трепетный ужас — страшный страх, что случится что-нибудь и отнимет её у меня? Завтра же сделаю мисс Флойд предложение.

Будь Тальбот совершенно откровенен с собой, он, пожалуй, добавил бы: «А не то послезавтра ей предложит руку Джон Меллиш».

На другой день капитан Болстрод появился в доме на Ист-Клиффе задолго до полудня, но у крыльца застал мистера Меллиша: тот разговаривал с грумом мисс Флойд и осматривал лошадей, ожидавших барышень. Барышни собирались на верховую прогулку, и Джон Меллиш ехал с ними.

— А если присоединишься к нам, Болстрод, — добродушно сказал йоркширец, — можешь взять того серого, о котором я вчера говорил. Сандерс сходит за ним.

Тальбот довольно угрюмо отклонил предложение.

— Благодарю, у меня здесь свои лошади, — ответил он. — Но буду тебе признателен, если пошлёшь грума к моим конюшням сказать, чтобы мой человек привёл их сюда.

После этой снисходительной просьбы капитан Болстрод отвернулся от друга, перешёл дорогу и, положив скрещённые руки на ограду, решительно уставился в море. Однако не прошло и пяти минут, как на крыльце появились дамы. Обернувшись на их голоса, Тальбот счёл за благо вновь перейти дорогу, надеясь подставить руку под ногу Авроры, когда она будет садиться в седло. Но Джон Меллиш опять его опередил: прежде чем капитан успел вмешаться, кобыла мисс Флойд уже гарцевала под лёгким прикосновением её руки. Он предоставил груму помочь Люси и, вскочив в седло так быстро, как позволяла негнущаяся нога, приготовился занять место рядом с Авророй. Снова поздно: мисс Флойд уже скакала вниз по склону в сопровождении Меллиша, а оставить бедную Люси, которая робела верхом, Тальбот не мог.

Никогда Люси не казалась капитану менее привлекательной, чем в седле. Его бледная святая с ореолом золотистых волос была, на его взгляд, прискорбно неуместна на лошади. Он вспомнил своё утреннее посещение Фелдена: как любовался ею, как точно она отвечала его идеалу и как твёрдо он решил плениться ею, а не Авророй. «Полюби она меня, — думал он, — я бы послал чернобровую наследницу ко всем чертям и тут же женился на этом светловолосом ангеле. Именно это я намеревался сделать, когда продавал патент. Не ради Авроры я оставил армию, не за Авророй поехал сюда. За кем же? За чем? За своей судьбой, вероятно, которая заставляет меня кружиться в такой ведьминской пляске, на какую я никогда и не думал пуститься в трезвом возрасте тридцати трёх лет. Если бы только Люси полюбила меня, всё могло быть иначе».

Он так сердился на себя, что почти готов был рассердиться на бедную Люси за то, что она не выручила его из сетей Авроры. Если бы только он мог прочесть в этом невинном сердце, пока угрюмо и молча ехал по низкой траве широких холмов! Если бы знал, какая медленная, тоскливая боль терзает эту кроткую грудь, когда тихая девушка рядом с ним изредка поднимает голубые глаза, украдкой глядя на его суровый профиль и пасмурный лоб! Если бы мог прочесть её тайну позже, когда, заговорив об Авроре, впервые ясно выдал тайну собственного сердца! Если бы знал, как помутнел перед её глазами пейзаж, как бурая пустошь закачалась под копытами лошади и стало казаться, что они опускаются всё ниже, ниже, ниже, в бездонную пучину горя и отчаяния! Но он ничего не знал: считал Люси Флойд миленькой безжизненной девушкой, которая, несомненно, обрадуется возможности надеть красивое платье подружки невесты на свадьбу родственницы.

На этот вечер в доме на Ист-Клиффе был назначен званый обед, куда пригласили и Джона Меллиша, и Тальбота. Капитан со свирепой решимостью поклялся добиться развязки прежде, чем кончится ночь.

Тальбот Рэли Болстрод очень рассердился бы на вас, вздумай вы слишком пристально наблюдать за ним в тот вечер, когда он перед зеркалом в выступе окна «Олд-Шипа» закреплял золотой булавкой узкий галстук. Ему было стыдно за беспричинную грубость с камердинером, которого он резко отпустил ещё до того, как начал одеваться; а когда сам никак не мог справиться разгорячёнными руками, не хватило духу позвать слугу обратно. Он пролил на лакиро-

ванные сапоги полфлакона духов, измазал лицо душистой восковой смесью, купленной у месье Эжена Риммеля и обещавшей *разглаживать усы, не засаливая их*. Разбил хрустальную коробочку из несессера и по рассеянности сунул осколки в жилетный карман. Почти задохнулся от жёсткого стоячего воротничка, который ему, как джентльмену, полагалось носить; готов был колотить себя по голове щётками с костяными спинками, в слепом бешенстве проклиная короткие упрямые чёрные волосы, завивавшиеся только *с другого конца*. А когда он наконец вышел из номера, его мучило раздражённое чувство, что все здешние официанты знают его тайну и каждое движение его души, что даже ньюфаундленд на пороге догадывается об истине: пёс поднял большую голову, взглянул на капитана и вновь опустил её с презрительно-ленивым зевком.

Капитан Болстрод предложил человеку, довёзшему его до Ист-Клиффа, пригоршню битого стекла, а потом, смутившись, заменил этот необычный платёж серебряной мелочью на сумму около пятнадцати шиллингов. Где-нибудь на земном шаре, подумал он, должно быть, происходят два-три землетрясения и затмение-другое: такой смятенной и взбудораженной казалась Тальботу Болстроду эта размеренно катящаяся планета. Весь мир был Брайтоном, а весь Брайтон — голубым лунным светом, стальным морем, ослепительным сиянием газовых фонарей, заячьим супом, треской с устрицами и Авророй Флойд. Да, Авророй Флойд, которая была в белом шёлковом платье и с толстым обручем матового золота в волосах, сегодня ещё больше прежнего походила на Клеопатру и позволила мистеру Джону Меллишу повести себя к обеду. Как ненавидел Тальбот румяное широкое лицо йоркширца, его голубые глаза и белые зубы, глядя на молодых людей сквозь фалангу стекла, серебра, цветов, восковых свечей, пикулей и прочих изделий «Фортнум и Мейсон»! Вот и упущена золотая возможность, думал недовольный капитан, забыв, что едва ли мог бы объясниться с мисс Флойд за обедом, под звон бокалов и хлопанье пробок, когда огромный напудренный лакей наступал бы на него с блюдом или соусником в самый миг рокового вопроса. Несколько часов спустя желанная минута настала, и оправдывать промедление стало больше нечем.

Ноябрьский вечер был мягок, и все три окна гостиной, доходившие до пола, стояли открытыми. Приятно было из жаркого газового света смотреть на широкий простор залитого луной моря, где на фоне багровой ночи то здесь, то там мерцал белый парус. Капитан Болстрод сидел у одного из открытых окон, созерцая этот мирный вид, но, боюсь, почти не ценя его красоты. Ему хотелось, чтобы все разошлись и оставили его наедине с Авророй. Уже почти одиннадцать, давно пора уходить. Джон Меллиш, конечно, непременно станет его дожидаться: вот что приходится терпеть из-за старинного школьного знакомства! Через день-другой весь Рагби объявится назло ему и станет оспаривать у него улыбки Авроры. Однако Джон Меллиш вёл весьма оживлённый разговор с Арчибальдом Флойдом, сумев с величайшим коварством втереться к старику в доверие. Гости один за другим разъехались, и Аврора, устало зевнув, не особенно стараясь это скрыть, вышла на широкий железный балкон.

Люси сидела у стола на другом конце комнаты и рассматривала альбом красавиц. О моя бедная Люси! Могла ли ты разглядеть высокий лоб и римский нос достопочтенной мисс Браунсмит? Не глядело ли на тебя её красивое лицо смутно, сквозь слепящую пелену слёз, которые ты была слишком хорошо воспитана, чтобы пролить? Случай наконец представился. Будь жизнь комедией театра «Хеймаркет», а выходами и уходами распоряжался сам мистер Бакстон, всё не могло бы сложиться удачнее. Тальбот Болстрод вышел за Авророй на балкон; Джон Меллиш продолжал рассказ о беверлийских гончих; Люси, затаив дыхание на другом конце комнаты, знала, что произойдёт, не хуже самого капитана.

Разве вся жизнь не длинная комедия, где Судьба — режиссёр, а Страсть, Склонность, Любовь, Ненависть, Месть, Честолюбие и Алчность поочерёдно занимают суфлёрскую будку? Иногда комедия скучная, с унылыми разговорами перед занавесом, которые ни к чему не ведут и лишь раздражают публику, пока на сцене меняют декорации, а главные актёры переодева-

ются; иногда комедия «сенсационная», с непредвиденными живыми картинами и неожиданными *развязками*. Но до самого конца это комедия: горе, кажущееся нам трагическим, очень забавно с другой стороны рампы. Наши друзья в партере так же веселятся из-за наших пустяковых печалей, как *завсегдатаи* «Хеймаркета», когда мистер Бокс находит свою жаровню пустой или мистер Кокс недосчитывается ломтика бекона.

Что может быть смешнее чужих мук? Почему мы наслаждаемся фарсами мистера Мэддисона Мортона и хохочем до слёз над разыгрывающим их комиком? Потому что почти всякий фарс британской сцены, от поднятия до падения занавеса, — летопись человеческих мучений и незаслуженных несчастий. Да, незаслуженных и ненужных мучений — в этом особая прелесть развлечения. Если бы человек, оказавшийся столь слаб, что отправил жену в Кэмбервелл, *в самом деле* раздавил за комодом младенца, его страдания были бы для образованной публики далеко не так восхитительны. Если бы джентльмен, поссорившийся со своей прачкой, *в самом деле* убил барышню в зелёных ботинках, что смешного осталось бы в старом фарсе «Адельфи», которым так радовал нас бедный Райт? Так и наши друзья по ту сторону рампы: они тем больше наслаждаются нашими бедами, чем меньше мы их заслужили. Их горем мы полюбуемся в свой черёд, когда прозвенит звонок к следующей пьесе и им придётся выйти играть.

Тальбот Болстрод вышел на балкон, и земля остановилась минут на десять, а все стально-синие звёзды в небе пристально уставились на молодого человека в эту высшую, решительную минуту его жизни.

Аврора прислонилась к тонкой железной пилястре, глядя наискось на город и поверх него — на море. Она куталась в театральный плащ: не жёсткий вышитый наряд, приличествующий юной леди, а просторное одеяние из мягкой алой шерсти, какое могла носить сама Семирамида. «Она похожа на Семирамиду, — подумал Тальбот. — Как это у шотландского банкира и его ланкаширской жены родилась дочь-ассириянка?»

Начал этот молодой человек блистательно, как и полагается влюблённым.

— Боюсь, вы утомились за сегодняшний вечер, мисс Флойд, — заметил он.

Отвечая, Аврора подавила зевок.

— Я немного устала, — сказала она.

Начало не особенно обнадёживало. Как произнести красноречивую речь, если на середине слушательница может уснуть? И всё же он её произнёс: сразу перешёл к сути и рассказал, как любит её; как сражался со страстью, которая оказалась сильнее его; как любит её так, как никогда и не думал любить ни одно существо на земле; как со всем смирением повергается перед нею, чтобы принять из дорогих уст приговор к жизни или смерти.

Несколько мгновений она молчала; её профиль ясно вырисовывался в лунном свете, и он видел, как дрожат дорогие губы. Потом, наполовину отвернувшись, она ответила — медленно, мучительно, словно слова с трудом вырывались из сдавленного горла.

Ответом был отказ!

Не девичье «нет», означающее «да» завтра, или, может быть, означающее, что вы ещё не падали на колени в порыве отчаяния, как лорд Эдуард Фиц-Моркиш в последнем романе мисс Одероуз. Ничего подобного: спокойное отрицание, выраженное осмотрительно и кратко, словно она боялась хоть единым слогом ввести его в заблуждение, оставить лазейку, через которую надежда могла бы прокрасться в его сердце. Ему отказали. Какое-то мгновение он едва мог этому поверить. Скорее готов был допустить, что смысл некоторых слов внезапно переменился или что он всю жизнь понимал их неверно, чем признать заключённый в этих словах суровый факт: ему, Тальботу Рэли Болстроду, владельцу замка Болстрод, потомку саксов, отказала дочь банкира с Ломбард-стрит.

Он помолчал — как ему показалось, часа полтора, — собираясь с духом, прежде чем заговорить опять.

— Могу ли я… осмелиться спросить, — сказал он (до ужаса обыденно прозвучала фраза: хуже не скажешь, спрашивая о меблированных комнатах), — могу ли я спросить, нет ли прежней привязанности… к кому-нибудь более достойному…

— О нет, нет, нет!

Ответ прозвучал так неожиданно, что поразил его почти столь же сильно, как отказ.

— И всё же ваше решение окончательно?

— Совершенно окончательно.

— Простите мою назойливость, но… но, быть может, у мистера Флойда более высокие виды…

Его прервал сдавленный всхлип; отвернувшись, она закрыла лицо ладонями.

— Высокие виды! — сказала она. — Бедный дорогой старик! Нет, нет, вовсе нет.

— Едва ли удивительно, что я докучаю вам этими расспросами. Так тяжело думать: я встретил вас, когда сердце ваше было свободно, и всё же не сумел вызвать ни тени расположения, на котором мог бы построить надежду на будущее.

Бедный Тальбот! Тальбот, мастер метафизических тонкостей и логических ухищрений, с безумной глупостью влюблённого говорит о надеждах, построенных на тенях.

— Так тяжело отказаться от мысли, что когда-нибудь вы перемените сегодняшнее решение, Аврора… — Он задержался на её имени: во-первых, произносить его было сладко, во-вторых, он надеялся, что она заговорит. — Так тяжело вспоминать о воздушном замке счастья, который я дерзнул построить, и сегодня, здесь, навеки от него отречься.

Тальбот совсем забыл, что до приезда Джона Меллиша непрестанно спорил со своей страстью и снова и снова твердил себе: он будет последним глупцом, если позволит уговорить себя жениться на Авроре. Он вывернул наизнанку басню о лисице: кривился на виноград, пока думал, что может его достать, а теперь, когда гроздья оказались недосягаемы, решил, что более восхитительные плоды ещё никогда не искушали человечество.

— Если бы… если бы, — сказал он, — судьба моя сложилась счастливее, я знаю, как гордился бы выбором старшего сына мой отец, бедный старый сэр Джон.

Как же ему стало стыдно низости этих слов! Лукавая фраза была задумана затем, чтобы напомнить Авроре, кому она отказывает. Он пытался подкупить её баронетским титулом, который со временем станет его. Но на жалкий призыв она не ответила. Унижение почти душило Тальбота.

— Я вижу… вижу, — сказал он, — что надежды нет. Спокойной ночи, мисс Флойд.

Она даже не повернулась посмотреть, как он уходит с балкона. Плотно закутавшись в алое одеяние, дрожала в лунном свете, и тихие слёзы медленно стекали по её щекам.

— Высокие виды! — горько повторила она слова Тальбота. — Высокие виды! Господи, помоги ему!

— Мне придётся одновременно пожелать вам спокойной ночи и попрощаться, — сказал капитан Болстрод, пожимая руку Люси.

— Попрощаться?

— Да, завтра рано утром я покидаю Брайтон.

— Так внезапно?

— Ну, не совсем внезапно. Я всегда намеревался путешествовать этой зимой. Не могу ли быть вам чем-нибудь полезен… в Каире?

Он был так бледен и холоден, выглядел таким несчастным, что она почти пожалела его — пожалела, несмотря на безумную радость, поднимавшуюся в сердце. Аврора отказала ему — это было совершенно ясно, — отказала *ему*! Кроткие голубые глаза наполнились слезами при мысли, что полубог перенёс подобное унижение. Тальбот нежно сжал её руку своей влажной холодной ладонью. Он умел прочесть жалость в этом ласковом взгляде, но не имел словаря, который помог бы перевести его более глубокий смысл.

— Вы попрощаетесь за меня с вашим дядей, Люси, — сказал он. Впервые он назвал её по имени; но что теперь значило имя? Великое несчастье отделяло его от остальных людей, давало ему печальные привилегии. — Спокойной ночи, Люси; спокойной ночи и прощайте. Я… я… надеюсь снова увидеть вас… через год или два.

Когда Тальбот Болстрод шагал обратно в «Олд-Шип», мостовая Ист-Клиффа под его сапогами казалась воздухом: в минуты высшей радости или высшего горя нам свойственно переставать чувствовать землю под ногами и парить в атмосфере возвышенного себялюбия.

Но на следующий день капитан не выехал из Брайтона на первый этап египетского путешествия. Он остался на модном морском курорте, решительно отрёкся от окрестностей Ист-Клиффа и, поскольку день был дождливый, отправился на приятную прогулку под дождём в Шорхем. А так как Шорхем — место премилое, прогулка, несомненно, очень его развеселила.

Возвращаясь в тумане около четырёх часов, капитан встретил мистера Джона Меллиша у самой дорожной заставы за Клифтонвиллом.

Оба с ужасом уставились друг на друга.

— Куда это ты, ради всего святого? — спросил Тальбот.

— Назад в Йоркшир, первым поездом из Брайтона.

— Но ведь к станции не туда!

— Нет, но лошадей сейчас укладывают в мой чемодан, а рубашки поедут в Лидс скотским поездом, и…

Тальбот Болстрод громко расхохотался — смехом резким и горьким, но принёсшим удивительное облегчение его переполненной груди.

— Джон Меллиш, — сказал он, — ты сделал Авроре Флойд предложение.

Йоркширец побагровел.

— Н-нечестно было с её стороны рассказывать тебе, — пробормотал он.

— Мисс Флойд не сказала мне об этом ни слова. Я только что из Шорхема, а ты совсем недавно покинул Ист-Клифф. Ты сделал предложение и получил отказ.

— Получил! — рявкнул Джон. — И это чертовски тяжело, когда я обещал ей, что она, если захочет, сможет держать скаковых лошадей, записывать на Дерби сколько угодно жеребят, сама отдавать приказания тренеру — и я никогда не вмешаюсь… и… и Меллиш-Парк — одно из лучших поместий графства; а я бы выиграл для неё голубую ленточку, чтобы подвязать её чудные чёрные волосы.

— Прав был старый француз, — пробормотал капитан Болстрод, — в чужом несчастье *есть* большое утешение. Идя к зубному врачу, я люблю застать в приёмной ещё одного страдальца; люблю, чтобы мне вырвали зуб первому и чтобы он с завистью смотрел на меня, когда я выхожу из камеры пыток, зная, что мои бедствия кончились, а его ещё впереди. Прощай, Джон Меллиш, и благослови тебя Бог. Не такой уж ты плохой малый.

Возвращаясь в «Шип», Тальбот чувствовал себя почти бодро. Заказал к обеду баранью котлету с томатным соусом и пинту мозельского; еда и вино согрели его. После бессонной ночи он провалился в тяжёлый сон, уронив голову на диванную подушку; съеденный обед давал о себе знать тяжестью в желудке. Ему снилось, будто он в Великом Каире — или в месте, которое было бы Каиром, если бы время от времени не становилось замком Болстрод, а иной раз — квартирой в Олбани. С ним была Аврора Флойд в царственном пурпуре, с иероглифами на подоле и в шутовской куртке из белого атласа с алыми пятнами — точно такой, какую он однажды видел впереди всех на больших скачках.

Наутро капитан Болстрод встал рано с твёрдым намерением покинуть Суссекс экспрессом в восемь сорок пять. Но вдруг вспомнил, как плохо отблагодарил Арчибальда Флойда за сердечное гостеприимство, и решил принести свои склонности в жертву вежливости: ещё раз зайти на Ист-Клифф попрощаться с банкиром. Стоило принять это решение, как капитану захотелось немедленно бежать к мистеру Флойду; однако на часах было только половина вось-

мого, пришлось сдержать нетерпение и ждать более подходящего времени. Можно ли пойти в девять? Едва ли. В десять? Да, конечно: тогда он успеет на одиннадцатичасовой поезд. Завтрак он отослал нетронутым и сидел, глядя на часы, безумно торопя время, но по мере приближения срока всё больше разгорячаясь и чувствуя себя неловко.

Без четверти десять он надел шляпу и вышел из гостиницы. Мистер Флойд дома, сказал слуга, кажется, наверху, в маленьком кабинете. Тальбот не стал слушать дальше.

— Докладывать обо мне не нужно, — сказал он. — Я знаю, где найти вашего хозяина.

Кабинет находился на одном этаже с гостиной; у её дверей Тальбот на миг остановился. Дверь была открыта, комната пуста — нет, не пуста: Аврора Флойд сидела спиной к нему, откинув голову на подушки кресла. Ещё мгновение он любовался её маленькой головкой и блестящими волосами, чёрными как вороново крыло. Потом сделал шаг-другой к кабинету банкира, снова остановился, повернул назад, вошёл в гостиную и закрыл за собой дверь.

Она не пошевелилась при его приближении, не ответила, когда он, запнувшись, произнёс её имя. Лицо её было белым, как у мёртвой, бессильные руки свисали с подлокотников. У ног лежала газета. Сидя здесь одна, она тихо лишилась чувств, и некому было привести её в сознание.

Тальбот выбросил цветы из стоявшей на столе вазы и плеснул Авроре на лоб водой. Затем подкатил кресло к открытому окну, повернув её лицом к ветру. Через две-три минуты она сильно задрожала, вскоре открыла глаза и посмотрела на него; при этом поднесла руки к голове, словно старалась что-то вспомнить.

— Тальбот! — сказала она. — Тальбот!

Она назвала его по имени — она, тридцать пять часов назад холодно запретившая ему надеяться.

— Аврора! — воскликнул он. — Аврора, я думал, что пришёл попрощаться с вашим отцом, но обманывал себя. Я пришёл ещё раз, последний раз спросить: ваше позавчерашнее решение бесповоротно?

— Небо знает: когда я его высказала, я думала, что да.

— Но это не так?

— Вы хотите, чтобы я взяла его назад?

— Хочу ли я? Хочу ли…

— Потому что, если вы в самом деле хотите, я возьму его назад. Вы храбрый и честный человек, капитан Болстрод, и я очень, очень вас люблю.

Бог знает, в какие восторженные речи он мог бы пуститься, но она подняла руку, словно говоря: «Пощадите меня сегодня, если любите», — и поспешно вышла. Он принял чашу *банга*, предложенную сиреной, выпил до самого дна и был пьян. Опустился в кресло, где сидела Аврора, и, рассеянный в своём счастливом опьянении, поднял газету, лежавшую у её ног. Несмотря на всё, содрогнулся, увидев название: «Беллз лайф». Грязный, измятый, залитый пивом экземпляр, от которого разило дрянным табаком. Адрес мисс Флойд был написан такими размашистыми каракулями, каких постыдился бы даже посыльный из спортивного трактира:

«Мис флойт,
фелден вутс,
кент».

Газету переслала Авроре фелденская экономка. Тальбот жадно пробежал глазами первую страницу: почти вся она была занята объявлениями — и какими объявлениями! Но в одном столбце находилось сообщение под заголовком «Ужасное происшествие в Германии. Гибель английского жокея».

Капитан Болстрод так никогда и не понял, зачем прочитал об этом происшествии. Оно ничем не могло его заинтересовать: речь шла о стипль-чезе в Пруссии, на котором погибли

тяжёлый английский наездник и выдающаяся французская лошадь. Автор заметки весьма сожалел о лошади и нисколько — о человеке, который на ней ехал и был, как сообщалось, мало известен в скаковом мире. Но ниже отдельным абзацем стояло дополнение, очевидно полученное в последнюю минуту: «Фамилия жокея — Коньерс».

Глава 7. Странный подопечный Авроры

Арчибальд Флойд встретил известие о выборе дочери с явной гордостью и удовлетворением. Казалось, с плеч отца и дочери сняли тяжкое бремя и тень, омрачавшая их жизнь, рассеялась.

Банкир увёз домашних обратно в Фелден-Вудс, а следом за ними отправился Тальбот Болстрод. Для бывшего гусара, которому предстояло провести Рождество во Фелдене, приготовили комнаты с ситцевой отделкой — милые, светлые покои с выступами окон, откуда поверх ухоженного конюшенного двора открывался вид на длинные просеки среди дубов и буков.

Миссис Александр с мужем и детьми поселились в западном крыле, мистер и миссис Эндрю — в восточном углу дома. Гостеприимный старый банкир имел обыкновение собирать родных в начале декабря и держать у себя, пока колокола живописной бекенхемской церкви не возвестят Новый год.

К возвращению во Фелден нежный румянец на щеках Люси Флойд заметно поблек. Все, кто замечал перемену, объявляли, что воздух Ист-Клиффа и осенние ветры, гуляющие по голым холмам, оказались не по силам молодой особе.

С того утра, когда она согласилась стать женой Тальбота Болстрода, Аврора словно расцвела новой, ещё более блистательной красотой. В её манере держаться появился гордый вызов, шедший ей больше, чем кротость идёт женщинам куда красивее. Эта юная особа отличалась надменной *беспечностью*, придававшей новый блеск огромным чёрным глазам и новую музыку радостному смеху. Она напоминала прекрасный шумный, буйный водопад: вечно пляшущий, стремительный, сверкающий, искрящийся и решительно не позволяющий делать ничего, кроме как им любоваться. Раз поддавшись чарам сирены, Тальбот Болстрод больше не боролся: провалился в ловушки её глаз, запутался в сетях иссиня-чёрных волос. Чем туже натянута тетива, тем сильнее её отдача; и Тальбот Болстрод, так долго и упорно сопротивлявшийся, наконец сдался без остатка. Мне придётся рассказать его историю самыми обыкновенными словами: он ничего не мог с собой поделать! Он любил её не потому, что считал лучше, умнее, прекраснее или более подходящей ему, чем многие другие женщины, — напротив, во всём этом он сильно сомневался, — а потому, что такова была его судьба и он её любил.

Какое суровое слово вкладывает месье Виктор Гюго в уста священника из «Собора Парижской Богоматери», оправдывая мрак его греха? АНАНКЕ! Судьба! Так и Тальбот написал матери: выбрал жену, которой предстоит восседать в залах Болстрода и чьё имя войдёт в летописи рода. Сообщил также, что мисс Флойд — дочь банкира, прекрасная и пленительная, с огромными чёрными глазами и пятьюдесятью тысячами фунтов приданого. Леди Рэли Болстрод ответила сыну на шести листках почтовой бумаги, заполненных тревожными материнскими мольбами и советами: выразила надежду, что выбор его мудр, расспрашивала об убеждениях и религиозных принципах девушки — словом, о многом, на что Тальботу было бы весьма трудно ответить. Внутри лежало письмо Авроре, женственное и нежное, где гордость смягчалась любовью. Оно вызвало в глазах мисс Флойд крупные слёзы, и твёрдый почерк леди Болстрод расплылся и затуманился перед читательницей.

А куда девался бедный сражённый Джон Меллиш? Вернулся в Меллиш-Парк со своими собаками, лошадьми, грумами, фаэтоном и всей прочей утварью; но горе, так некстати постигшее его после окончания скакового сезона, оказалось ему не под силу. Он бежал из просторного старого дома, окружённого уютным парком и лесом: Аврора Флойд была не для него, и всё стало унылым, пресным, никчёмным. Он уехал в Париж, или *Пари*, как называл имперскую столицу, поселился в самых больших покоях у Мёриса и по десять раз на дню ходил оттуда к Галиньяни за английскими газетами. Уныло обедал у Вефура, у Филиппа, у Трёх Братьев, в «Мезон-Доре» и «Кафе-де-Пари». Во всех дорогих ресторанах Парижа слышался его громкий

голос, заказывавший: *«Ту скиля дэ мейёр, ву савэ»* — всё самое лучшее, сами понимаете. Но изысканнейшие блюда он отсылал, не притронувшись, и мог четверть часа просидеть, пересчитывая зубочистки в маленьких голубых вазочках и думая об Авроре. Печально ездил верхом в Булонском лесу, дрожал в *кафешантанах*, слушая песни, неизменно, казалось, положенные на один мотив. Посещал цирки и чуть было не влюбился в прекрасную *манежную* наездницу: её чёрные глаза напоминали ему Аврору. Но, купив самый сильный бинокль, какой нашёлся на улице Риволи, он обнаружил, что лицо дамы на дюйм покрыто белилами, называемыми *бланрозати*, а главную красоту её глазам придают кольца чёрной туши вокруг них. В отчаянной ярости он готов был швырнуть этот двуствольный разоблачитель на землю и каблуком растереть стёкла в порошок. Лучше вечно обманываться, по-прежнему верить, что женщина похожа на Аврору, и каждый вечер ходить в этот цирк, пока волосы не побелеют — не от лет — и сам он не зачахнет и не умрёт.

Общество, собравшееся в Фелден-Вудсе, было очень весёлым. Детские голоса оживляли дом; шумные школьники из Итона и Вестминстера лазили по лестничным перилам и гоняли волан ракетками на длинной каменной террасе. Все эти дети приходились роднёй Авроре Флойд и любили дочь банкира с детским преклонением, какого кроткая Люси никогда не вызывала. Тальботу Болстроду было приятно видеть, что, куда бы ни ступала его будущая жена, её повсюду встречают любовь и восхищение. Не он один страстно любил это блистательное создание — значит, любить ту, которую любили все знакомые, пожалуй, не такое уж ужасное безрассудство. И гордый корнуоллец был счастлив, отдаваясь счастью без дальнейших возражений.

А любила ли его Аврора? Отвечала ли должным образом на страстную преданность и слепое обожание? Она восхищалась им, уважала, гордилась им — гордилась той самой гордостью его натуры, которая делала его столь непохожим на неё. Слишком порывистая и правдивая, она не умела скрывать этого чувства от возлюбленного. И ещё она постоянно стремилась угодить будущему мужу, подавляя хотя бы внешние проявления тех своих пристрастий, которые были ему так неприятны. «Беллз лайф» больше не валялась в утренней гостиной Фелдена; когда Эндрю Флойд позвал Аврору поехать с ним на сбор охотников, она отказалась от предложения, которому прежде так обрадовалась бы. Вместо поездки за кройдонскими гончими мисс Флойд довольствовалась тем, что возила Тальбота и Люси в плетёной коляске по сверкающей инеем округе.

Люси неизменно оставалась спутницей и поверенной влюблённых. Тяжело было ей слушать их счастливые разговоры о светлом будущем, уходящем далеко-далеко вперёд — в тенистые своды Времени, к украшенной гербом гробнице в Болстроде, где когда-нибудь муж и жена упокоятся, исполненные лет и почестей. Тяжело было помогать им строить тысячи планов удовольствий, в которых — да сжалится над ней небо! — ей предстояло участвовать. Но эта бледная Элейна наших дней[1] кротко несла свой крест и никогда не говорила Тальботу Болстроду, что безумно его полюбила и рада бы умереть.

И Тальбот, и Аврора тревожились из-за бледности своей кроткой спутницы; но все охотно приписывали её простуде, кашлю, врождённой слабости или иному телесному недугу, который излечивают снадобьями и пилюлями. Никому ни на мгновение не приходило в голову, что с барышней, живущей в роскошном доме, ездящей за покупками в карете, запряжённой парой, и имеющей больше карманных денег, чем ей хочется тратить, может быть что-нибудь неладно. Но и Лилейная дева Астолата жила в господском замке, имела, без сомнения, достаточно карманных денег на роскошный шёлк для вышивания, почти ничего на свете не желала и ничем не занималась — отчего и заболела любовью к сэру Ланселоту, зачахла и умерла.

Не в этом ли тайна многих печалей? Сколько горя рождено праздностью и досугом! Сколько спартанских юношей выкармливало лисицу, пожиравшую им грудь, лишь за неимением лучшего занятия! Умирают ли от горя джентльмены, пишущие передовицы наших еже-

дневных газет? Сходят ли с ума от неразделённой любви адвокаты, чьи имена встречаются едва ли не в каждом судебном отчёте этих газет? Лелеяла ли Дама с лампой[2] какую-нибудь глупую страсть в те дни и ночи непрерывного труда, в те долгие часы терпеливого служения далеко на Востоке? Викарии перенаселённых приходов, священники тюрем и каторжных кораблей, знаменитые врачи в больничных палатах — создают ли они себе убийственные печали? Конечно нет. И у самых занятых из нас бывают святые мгновения, священный час, вырванный у шума и суеты вращающегося колеса жизненного механизма и принесённый в жертву горю и заботе. Но передышка кратка, огромное колесо катится дальше, и нам некогда чахнуть и умирать.

Так Люси Флойд, не имея лучшего занятия, лелеяла и пестовала свою безнадёжную страсть. Воздвигла алтарь скелету, поклонялась святыне собственного горя. Когда ей говорили о бледности, а семейный врач удивлялся бессилию своей хинной микстуры, она, быть может, питала смутную надежду: прежде чем вернётся весна, а с ней день свадьбы Тальбота и Авроры, ей больше не придётся видеть, как они открыто радуются своему счастью и любви, и она обретёт покой.

На письмо леди Рэли Болстрод Аврора ответила с такой благодарностью и смирением, с такой искренней надеждой заслужить любовь матери Тальбота, смешанной со смутной боязнью никогда не стать достойной этого чувства, что завоевала расположение корнуоллской дамы к будущей дочери. Письмо трудно было связать с порывистой девушкой; леди Болстрод создала себе образ его автора, весьма непохожий на бесстрашный и пылкий оригинал. Она написала Авроре второе письмо, ещё ласковее первого, обещая встретить девушку, лишённую матери, в Болстроде как родную дочь.

— Позволит ли она когда-нибудь называть себя «мамой», Тальбот? — спросила Аврора, читая возлюбленному второе письмо леди Болстрод. — Она ведь очень гордая? Гордится древностью вашего рода? Мой отец из торговой семьи в Глазго, а о материнских родственниках я вообще ничего не знаю.

Тальбот ответил с серьёзной улыбкой.

— Она примет вас за ваши собственные достоинства, дорогая Аврора, — сказал он, — и не станет задавать глупых вопросов о родословной такого человека, как Арчибальд Флойд: самый гордый аристократ Англии мог бы радоваться, назвав его тестем. Она преклонится перед ясной душой и правдивым нравом моей Авроры и благословит меня за сделанный выбор.

— Я буду очень её любить, если только она позволит. Разве я увлеклась бы скачками и читала спортивные газеты, если бы могла звать добрую женщину «мамой»?

Вопрос этот она, казалось, задавала скорее себе, чем Тальботу.

Как ни доволен был Арчибальд Флойд выбором дочери, спокойно думать о разлуке с обожаемым ребёнком старик не мог. Аврора сказала Тальботу, что при жизни отца никогда не поселится в Корнуолле. В конце концов решено было, что молодые станут проводить половину года в Лондоне, другую — в Фелден-Вудсе. Зачем одинокому вдовцу этот просторный дом с длинной картинной галереей и уютными апартаментами, в каждом из которых поместилась бы небольшая семья? Зачем одинокому старику эта свита слуг, дорогие лошади в конюшнях, новомодные экипажи в каретных сараях, оранжерейные цветы, ананасы, виноград и персики, взращиваемые тремя шотландскими садовниками? Зачем ему всё это? Он жил главным образом в кабинете, где некогда бурно объяснялся с единственным ребёнком; в кабинете, где висел нарисованный мелками портрет Элизы Флойд. Там стоял старомодный письменный столик, купленный им в юности за гинею. В нём хранились письма, написанные рукой покойной, пряди пурпурно-чёрных волос, срезанные с мёртвой головы, и отпечатанный в ланкаширском городке картонный билет, призывавший друзей и покровителей мисс Элизы Персивал посетить театр в вечер её бенефиса, 20 августа 1837 года.

Итак, Фелден-Вудс должен был стать загородным домом Тальбота и Авроры до тех пор, пока молодой человек не унаследует баронетский титул и замок Болстрод и не будет обязан

жить в собственном поместье. А пока бывшему гусару предстояло войти в парламент, если избирателям некоего маленького корнуоллского городка, неизменно посылавшего в Вестминстер кого-нибудь из Болстродов, угодно будет избрать и его.

Свадьбу назначили на начало мая; медовый месяц собирались провести в Швейцарии и замке Болстрод. Миссис Уолтер Пауэлл решила, что её участь предрешена и после свадьбы придётся покинуть эти тучные пажити. Но Аврора скоро успокоила вдову прапорщика: объявила, что она, мисс Флойд, совершенно не смыслит в хозяйстве и будет рада после замужества сохранить её услуги наставницы и советчицы в подобных делах.

Во время утренних поездок с Люси и Тальботом Аврора Флойд не забывала бедняков в окрестностях Бекенхема. Под подбитой малиновым колясочной полостью из леопардовой шкуры нередко скрывались свёртки с припасами и бутылки вина, а Тальбот довольно часто обнаруживал, что упирается ногами в огромную ковригу хлеба. В эту ясную декабрьскую погоду бедняки очень голодали и страдали от всевозможных хворей. Как ни разнились эти недуги, все поддавались одному особому лечению: полсоверена, старый тёмный херес, французский коньяк и чай «ганпаудер». Умирала ли дочь от чахотки, слёг ли отец с ревматизмом, метался ли муж в горячке или младший мальчик оправлялся после падения в котёл с кипятком — все перечисленные средства казались одинаково необходимыми и пользовались куда большей любовью, чем куриный бульон и прохладительные питья от жара, приготовленные фелденской кухаркой. Тальботу нравилось смотреть, как невеста раздаёт блага жадно ждущим её щедрот людям. Нравилось думать, что даже его мать восхитилась бы пылкой девушкой, которой так просто сесть в тесной крестьянской комнате и беседовать со старушками, страдающими ревматизмом. Люси раздавала небольшие пачки благочестивых брошюр, приготовленных миссис Александр, и фланелевую одежду, сшитую собственными белыми ручками. Но полсоверены и старый херес давала Аврора, и, боюсь, простодушные селяне больше любили наследницу; хотя им хватало ума и справедливости понимать, что каждая даёт по средствам.

При возвращении из одной такой благотворительной поездки с маленьким обществом случилось приключение, весьма неприятное капитану Болстроду.

Аврора заехала дальше обычного. Часы били четыре, когда её пони промчались мимо бекенхемской церкви и вниз по склону к Фелден-Вудсу. День был холодный и унылый; лёгкие снежинки несло поперёк твёрдой дороги, кое-где они цеплялись за голые изгороди, а небо почернело, как чернила, предвещая обильный снегопад. При приближении пони мисс Флойд женщина из привратницкого домика выбежала открывать ворота, накинув на голову передник. В ту же минуту с придорожного откоса поднялся мужчина и подошёл вплотную к колясочке.

Это был широкоплечий, коренастый малый в поношенном вельветовом сюртуке со срезанными полами и необычайным множеством карманов, побелевшем и засаленном на швах и локтях. Подбородок его, по обычаю ему подобных, был укутан двумя-тремя ярдами грязного шерстяного шарфа, а за ленту низкой фетровой шляпы была заткнута короткая глиняная трубка, прокуренная до почтенной черноты. Вместе с хозяином с откоса поднялась грязно-белая собака в медном ошейнике, кривоногая, коротконосая, с налитыми кровью глазами, одним ухом, отвисшей челюстью и общим презрительным выражением морды. Она угрожающе зарычала на нарядный экипаж и мастифа Гав-Гава, рысившего рядом.

Незнакомец был тем самым человеком, который три месяца назад заговорил с мисс Флойд в Кокспер-стрит.

Не знаю, узнала ли его Аврора; знаю только, что она коснулась хлыстом ушей пони. Резвые животные уже пронеслись мимо мужчины в фелденские ворота, когда он метнулся вперёд, схватил их под уздцы и остановил лёгкую плетёную коляску, так и качнувшуюся от силы его руки.

Тальбот Болстрод выскочил из экипажа, забыв о негнущейся ноге, и схватил мужчину за воротник.

— Отпустите узду! — крикнул он, поднимая трость. — Как вы смеете останавливать лошадей этой дамы?

— А так, что поговорить мне с ней надо, вот как. Пиджак-то мой отпустишь, а?

Собака бросилась Тальботу в ноги, но молодой человек взмахнул тростью и так наказал её приплюснутый нос, что животное с жалобным воем временно отступило.

— Вы наглый негодяй! Так и хочется…

— И ты бы, может, наглый был, кабы с голоду, — ответил мужчина жалобным скулежом, призванным смягчить собеседника. — Вам, молодым господчикам, такая погодка в самый раз: и собаки у вас, и ружья, и охота. А бедняку зимой терпения не хватает: сам и работящий, и старательный, да ни честной работы не найти, ни куска поесть. Мне только с барышней перемолвиться. Она меня хорошо знает.

— С которой барышней?

— С мисс Флойд. С наследницей.

Они стояли поодаль от коляски. Аврора поднялась с сиденья, бросив вожжи Люси, и смотрела на мужчин, бледная, задыхаясь, — несомненно, в страхе перед исходом стычки.

Тальбот выпустил воротник незнакомца и вернулся к мисс Флойд.

— Вы знаете этого человека, Аврора? — спросил он.

— Да.

— Он, полагаю, один из ваших давних подопечных?

— Да. Больше ничего ему не говорите, Тальбот. Он груб, но ничего дурного не замышляет. Останьтесь с Люси, пока я поговорю с ним.

Стремительная и порывистая во всех движениях, она выскочила из экипажа и подошла к мужчине под голыми деревьями прежде, чем Тальбот успел возразить.

Собака, медленно приползшая обратно к ногам хозяина, стала ласться к ней, но Гав-Гав отогнал соперника свирепым рычанием: подобной низкой конкуренции он терпеть не собирался.

Мужчина снял фетровую шляпу и церемонно дёрнул клочок рыжеватых волос, украшавший низкий лоб.

— Можно бы с человеком и безо всей этой заварухи поговорить, мисс Флойд, — сказал он обиженно.

Аврора негодующе взглянула на него.

— Зачем вы остановили меня здесь? — сказала она. — Почему не могли написать?

— Потому что письмом столько не добьёшься, как разговором. Да и до таких барышень, как вы, добраться трудно. Почём мне знать: вдруг ваш папаша письмо моё заберёт, вот и будет скандал. Хотя, если на то пошло, думаю, зайди я к вам в дом да попроси у старого джентльмена малую толику, он не поскупится. Думаю, на пять фунтов расщедрится, а то и на десятку.

Аврора обернулась к говорившему, сверкнув глазами.

— Если вы когда-нибудь посмеете тревожить моего отца, вам это дорого обойдётся, Мэтью Гаррисон, — сказала она. — Не потому, что *я* боюсь ваших речей, но я не позволю его беспокоить, не позволю мучить. Небо знает, он и без этого достаточно вынес и выстрадал. Я не позволю, чтобы такие, как вы, терзали его и торговали лучшими, нежнейшими его чувствами. Не позволю!

Она топнула по мёрзлой земле. Тальбот Болстрод увидел этот жест и удивился. Он подумывал выйти из экипажа и присоединиться к Авроре с её просителем, но пони беспокоились, и оставлять вожжи бедной робкой Люси было нельзя.

— Да вы так не убивайтесь, мисс Флойд, — ответил человек, которого Аврора назвала Мэтью Гаррисоном. — Мне, верно слово, хочется, чтоб все были довольны. Только и прошу: не поскупитесь для человека, который с тех пор, как вы его видели, здорово обеднел. Господи, какие в жизни взлёты и падения! Летом я бы вас не беспокоил, а в такую погодку что толку

торчать наверху Риджент-стрит со щенками терьеров да прочей живностью? Старушки зимой на собак не глядят, да и господ, кому крысиная травля по душе, нынче совсем мало. На скачках не происходит ничего, где бы человек мог честный пенни заработать, и до Крейвенских скачек не предвидится. Ни за что не подошёл бы к вам, барышня, кабы не туго мне пришлось. Знаю, вы не поскупитесь.

— Не поскуплюсь! — воскликнула Аврора. — Господи! Если бы каждая гинея, какая у меня есть и какую я ещё надеюсь получить, могла стереть то дело, которым вы торгуете, я раскрыла бы руки и дала деньгам утечь сквозь пальцы, как воде.

— А всё ж по доброте я вам газету-то прислал, а, барышня? — заметил мистер Мэтью Гаррисон, отломив сухую веточку от ближайшего дерева и с удовольствием её покусывая.

Во время разговора Аврора и мужчина медленно шли вперёд и теперь оказались уже довольно далеко от коляски.

Тальбот Болстрод сгорал от беспокойного нетерпения.

— Вы знаете этого подопечного Авроры, Люси? — спросил он.

— Нет, лица не припомню. По-моему, он не из Бекенхема.

— Не пришли я вам эту «Лайф», вы бы и не узнали, верно? — сказал мужчина.

— Нет, нет, пожалуй, не узнала бы, — ответила Аврора. Она вынула из кармана кошелёк, и мистер Гаррисон украдкой следил блестящими глазами за маленьким сафьяновым вместилищем.

— А о подробностях-то вы меня не спрашиваете, — заметил он.

— Нет. Зачем мне их знать?

— Ну да, конечно, — ответил мужчина, подавляя смешок. — Вы и так достаточно знаете, а захотели бы больше — я бы вам не рассказал. Только те несколько строчек в газете мне об этом деле и удалось узнать. А я всегда говорил и буду говорить: если человек весит больше одиннадцати стоунов и садится на лошадь…

Казалось, он мог бы ещё долго разглагольствовать, если бы Аврора не остановила его нетерпеливой гримасой. Возможно, он умолк тем охотнее, что в ту же минуту она раскрыла кошелёк и он заметил сверкающие соверены, притаившиеся между складками малинового шёлка. Цвета он различал не особенно тонко, но, уверена, глядя на жёлтые монеты в кошельке мисс Флойд, нашёл сочетание золотого с малиновым приятным. Она высыпала соверены себе на ладонь в перчатке, а затем золотым дождём ссыпала их в грубые ладони мистера Гаррисона, сложенные чашей в ожидании её щедрот. Пока Аврора давала ему деньги, толстый дубовый ствол скрывал их от Тальбота и Люси.

— Вы не вправе ничего от меня требовать, — сказала она, резко прервав начатые благодарности, — и я не позволю вам торговать событиями прошлого, о которых вы узнали. Запомните раз и навсегда: я вас не боюсь. Если и соглашаюсь помогать, то лишь потому, что не желаю, чтобы тревожили моего отца. Сообщите мне адрес, по которому вас всегда найдёт письмо, — вложите его в конверт и пошлите сюда на моё имя. Я обещаю время от времени присылать вам небольшую сумму: достаточно, чтобы жить честно, если вы или кто-нибудь из вашей шайки на это способны. Но повторяю: если я даю эти деньги как взятку, то только ради отца.

Мужчина что-то пробормотал в знак благодарности, пристально глядя на Аврору, но суровая тень на её смуглом лице не оставляла надежды на примирение. Она уже отвернулась, чтобы уйти, и мастиф двинулся за нею, когда кривоногий пёс подбежал, заскулил и поднялся на задние лапы, чтобы лизнуть её руку.

Её лицо мгновенно переменилось. Она отшатнулась от собаки; та несколько мгновений смотрела на неё, и в налитых кровью глазах таилась смутная неуверенность. Потом пёс окончательно узнал её и радостно залаял, заплясал и запрыгал вокруг шёлкового платья мисс Флойд, оставляя пыльные следы передних лап на дорогой ткани.

Боксёр узнаёт Аврору.

— Бедное животное-то вас знает, барышня, — примирительно сказал мужчина. — С ним вы никогда не гордились.

В эту минуту мастиф Гав-Гав принял такой вид, будто собирался перепахать всю землю Фелден-Вудса, но Аврора успокоила его взглядом.

— Бедный Боксёр! — сказала она. — Бедный Боксёр! Так ты меня узнаёшь, Боксёр.

— Господи, барышня, и не вообразить, какие это преданные животные.

— Бедный Боксёр! Кажется, я хотела бы тебя забрать. Продадите его, Гаррисон?

Мужчина покачал головой.

— Нет, барышня, — ответил он. — Покорно благодарю. Мало найдётся собак, насчёт которых я не стал бы торговаться. Понадобился бы вам спаниель, что работает молча, или русский сеттер, или скайтерьер — достал бы с охотой и за труды не спросил ничего. А этот бультерьер мне и отец с матерью, и жена с семьёй. Во всём банке вашего папаши не хватит денег его купить, барышня.

— Ну, хорошо, — смягчившись, сказала Аврора. — Я знаю, какой он верный. Пришлите адрес и больше во Фелден не приходите.

Она вернулась в коляску, взяла вожжи из рук Тальбота и дала волю беспокойным пони. Экипаж промчался мимо мистера Мэтью Гаррисона: тот стоял со шляпой в руке и собакой между ног, пока они не проехали. Мисс Флойд украдкой взглянула на возлюбленного и увидела, что лицо капитана Болстрода мрачнее тучи. Офицер угрюмо молчал всю дорогу до дома; там помог обеим дамам выйти и последовал за ними через холл. Аврора уже ступила на нижнюю ступень широкой лестницы, когда он наконец заговорил.

— Аврора, — сказал он, — одно слово, прежде чем вы подниметесь.

Она обернулась и посмотрела на него с некоторым вызовом. Она была по-прежнему очень бледна, и огонь, которым глаза её сверкали на мистера Мэтью Гаррисона, торговца собаками и ловца крыс, ещё не погас. Тальбот Болстрод открыл дверь длинной комнаты под картинной галереей — наполовину бильярдной, наполовину библиотеки, едва ли не самой приятной в доме — и посторонился, пропуская Аврору.

Юная леди переступила порог так гордо, как Мария-Антуанетта, идущая навстречу обвинителям из простонародья. Комната была пуста.

Мисс Флойд села в низкое кресло у одного из двух больших каминов и устремила взгляд на пламя.

— Я хочу спросить вас об этом человеке, Аврора, — сказал капитан Болстрод, перегнувшись через *молитвенное кресло* и нервно перебирая резные арабески ореховой спинки.

— О каком человеке?

У иной женщины это могло бы быть уверткой; у Авроры, как знал Тальбот, — простым вызовом.

— О человеке, который только что говорил с вами на аллее. Кто он и какое у него к вам дело? — Тут капитан Болстрод окончательно сдал. Читатель, он любил её — помните, любил! — и был трусом. Трусом во власти самой трусливой из страстей — ЛЮБВИ! Страсти, способной оставить пятно на имени Нельсона; страсти, которая могла бы сделать малодушным храбрейшего из трёхсот при Фермопилах или шестисот при Балаклаве. Несчастный молодой человек любил её, и вот он начал запинаться, колебаться и извиняться, дрожа под сердитым светом дивных глаз.

— Поверьте, Аврора, я ни за что на свете не стал бы шпионить за вашими поступками или указывать, кого вам облагодетельствовать. Нет, Аврора, даже если бы моё право было больше нынешнего и я был бы вам двадцать раз мужем. Но этот человек, этот подозрительный малый, который только что с вами говорил… мне кажется, он не из тех, кому следует помогать.

— Пожалуй, нет, — сказала она. — Я, несомненно, помогаю многим, кому по справедливости следовало бы умереть в работном доме или свалиться на большой дороге. Но, видите ли, начни я выяснять их заслуги — они, пожалуй, умерли бы с голоду, пока я наводила бы справки. Поэтому лучше, наверное, выбросить несколько шиллингов на несчастное создание, настолько порочное, что хочет есть, и недостаточно добродетельное, чтобы заслужить кусок хлеба.

Безоглядность этой речи покоробила Тальбота, но возразить было довольно трудно; к тому же разговор уходил от предмета, который ему так хотелось уяснить.

— Но этот человек, Аврора… кто он?

— Торговец собаками.

Тальбот содрогнулся.

— Я так и думал, что это что-то ужасное, — пробормотал он. — Но чего, ради всего святого, он мог хотеть от вас, Аврора?

— Того же, чего большинство моих просителей, — ответила она. — Викарий ли новой часовни со средневековыми украшениями, мечтающий превзойти церковь Богоматери Бон-Секур на одном из холмов у Норвуда; прачка ли, спалившая недельное бельё и ищущая, чем возместить ущерб; светская ли дама, открывающая приют для детей неимущих торговцев спичками; лектор ли по политической экономии, по Шелли и Байрону или по Чарлзу Диккенсу и современным юмористам, собирающийся выступить в Кройдоне, — всем им нужно одно: деньги! Если я скажу викарию, что исповедую евангелические принципы и не могу искренне молиться, когда на алтаре стоят подсвечники, он не меньше обрадуется моей сотне фунтов. Если сообщу светской даме, что имею особые взгляды на сирот торговцев спичками и собственную теорию против образования масс, она сожалеюще пожмёт плечами, но непременно даст понять: любое пожертвование, какое мисс Флойд угодно сделать, будет одинаково желанно. Если я скажу им, что совершила полдюжины убийств или что в моей гардеробной стоит на

алтаре серебряная статуя победителя прошлогоднего Дерби, которой я денно и нощно поклоняюсь, они примут деньги и любезно поблагодарят, как этот человек только что.

— Но ещё одно слово, Аврора: он из здешних мест?

— Нет.

— Как же вы с ним познакомились?

Она несколько мгновений смотрела на него — твёрдо, не отводя глаз, с задумчивым выражением на вечно меняющемся лице, словно решала что-то про себя. Потом вдруг встала, запахнулась в шаль и пошла к двери. На пороге остановилась и сказала:

— Этот допрос едва ли приятен, капитан Болстрод. Если мне угодно дать пять фунтов тому, кто их просит, я рассчитываю на полную свободу это сделать и не позволю требовать отчёта в моих поступках — даже вам.

— Аврора!

Нежный упрёк в его голосе пронзил ей сердце.

— Вы можете верить, Тальбот, — сказала она, — вы *должны* верить, что я слишком хорошо знаю цену вашей любви, чтобы подвергать её опасности словом или поступком. Вы должны в это верить.

Глава 8. Бедняга Джон Меллиш возвращается

Джону Меллишу наскучил великий город Париж. Лучше любовь, довольство и корка хлеба в *мансарде*, чем откормленные волы и прочие дорогие яства в роскошных залах *в бельэтаже*, где подобострастнейшие официанты воздают нам почести, не позволяя себе даже улыбнуться нашему островному выговору. Ему до смерти надоели улица Риволи, золочёная ограда сада Тюильри и безлистные деревья за нею. Надоели площадь Согласия, Елисейские Поля и стук копыт конвоя у кареты его императорского высочества, когда Наполеон Третий или маленький принц выезжали на прогулку. Заговор, которому так скоро предстояло завершиться на улице Лепелетье, ещё только зрел. Ему надоели широкие бульвары, театры, кафе и перчаточные лавки; надоело стоять у ювелирных витрин на улице Мира, воображая лицо Авроры Флойд под выставленными там бриллиантовыми и изумрудными тиарами. Иногда он всерьёз подумывал купить жаровню и корзину угля и тихо задохнуться в просторной золочёной гостиной у Мёриса. Что толку в его деньгах, собаках, лошадях, обширных землях? Всё вместе не купит ему Аврору Флойд. Что толку в жизни, если уж на то пошло, раз дочь банкира отказывается разделить её с ним?

Помните: этот рослый, кудрявый, голубоглазый Джон Меллиш был с колыбели избалованным ребёнком. Бедные родственники и прихлебатели, слуги и подхалимы баловали его с первого часа до тридцатого года жизни, и потому отказ в обладании этой прекрасной женщиной представлялся ему особенно жестоким. Будь он восточным владыкой, позвал бы визиря, велел бы задушить того тетивой у себя на глазах и тем покончил с делом. Но, будучи всего лишь йоркширским джентльменом и землевладельцем, мог только молча нести свою ношу. Словно он хоть когда-нибудь что-нибудь переносил молча! Половину тяжести своего горя он взвалил на камердинера, пока тот не стал страшиться самого имени мисс Флойд и не признался другому слуге: хозяин «так воет по той барышне, которой предлагал выйти за него в Брайтоне, что никакого терпения нет». Кончилось всё тем, что однажды вечером Джон Меллиш внезапно приказал сниматься с лагеря, а следующим ранним утром отбыл к Северной железной дороге, оставив после себя только золу своих очагов.

Естественно было предположить, что мистер Меллиш отправится прямо в загородный дом, где его ждали многочисленные дела: записать жеребят на будущие скачки, рассчитаться с тренерами и конюхами, распланировать и устроить задуманный скаковой круг с корьевым покрытием; да и вся скаковая конюшня нуждалась в хозяйском глазе. Но вместо того чтобы с вокзала Дуврской железной дороги поехать в гостиницу «Грейт-Нортерн», пообедать и отбыть экспрессом в Донкастер, мистер Меллиш направился в «Глостер-кофихаус» и там поселился — как он говорил, ради выставки скота. Для виду съездил без всякой охоты в кебе-хэнсоме на Бейкер-стрит, четверть часа бродил взад-вперёд, печально заглядывая в загоны, а потом поспешно бежал от йоркширских фермеров-джентльменов, сердечно его приветствовавших. Наутро выехал из «Глостера» в лёгкой двухколёсной коляске и направился прямо в Бекенхем. Арчибальд Флойд, ничего не знавший о признании и отказе, полученном молодым йоркширцем, сердечно приглашал его в Фелден-Вудс. Почему бы не поехать? Всего лишь нанести утренний визит гостеприимному банкиру. Не повидать Аврору — только несколько раз поглубже вдохнуть воздух, которым дышит она, прежде чем вернуться в Йоркшир.

Разумеется, о счастье Тальбота Болстрода он ничего не знал. Одним из главных утешений изгнания было помнить, что этот джентльмен вышел в море на том же корабле и вместе с ним потерпел крушение.

Его проводили в бильярдную. Аврора Флойд сидела за столиком у огня и копировала карандашом пробный оттиск гравюры с одной из картин Розы Бонёр; рядом Тальбот Болстрод очинял ей карандаши.

Мы чутьём угадываем, что человек, который очиняет карандаши, держит на вытянутых руках моток шёлка или носит комнатных собачек, театральные плащи, складные стульчики и зонтики, — «помолвлен». Даже Джон Меллиш успел этому научиться. Он вздохнул так громко, что услышали Люси и её мать у другого камина, — вздох почти перешёл в стон, — и протянул руку мисс Флойд. Не Тальботу Болстроду. В голове у него плавали смутные воспоминания о римских преданиях, о нечеловеческом великодушии и классическом самоотречении. Но пожать руку этому черноволосому молодому корнуоллцу он не сумел бы, даже если бы от такой жертвы зависело право владения поместьем Меллишей. Не сумел бы. Он сел в нескольких шагах от Авроры и её возлюбленного, вертя шляпу в горячих нервных руках, пока поля едва не обмякли, и был не в силах произнести хоть фразу, хоть жалкое замечание о погоде.

Он был огромным избалованным тридцатилетним младенцем; боюсь, если уж говорить суровую правду, он видел Аврору Флойд сквозь туман, размывавший и искажавший сияющее лицо перед глазами. Люси Флойд выручила его, уведя представить матери. Добрая миссис Александр пришла в восторг от его открытого, светлого английского лица. К счастью, он оказался спиной к свету, и обе дамы не заметили глупого тумана в голубых глазах.

Арчибальд Флойд и слышать не хотел, чтобы гость возвращался в Лондон в тот же вечер или на следующий день.

— Вы должны провести с нами Рождество и встретить Новый год, прежде чем вернуться в Йоркшир, — сказал он. — В эту пору вокруг меня собираются все мои дети; только тогда Фелден и кажется настоящим домом старика. Ваш друг Болстрод гостит у нас, — при этом известии Меллиш поморщился, — и я не сочту дружеским поступком ваш отказ присоединиться к нашему обществу.

Каким же жалким трусом должен был быть этот Джон Меллиш, если принял приглашение банкира, отослал свою коляску ньюпорт-пагнелл обратно в «Глостер» и позволил личному слуге мистера Флойда проводить себя в уютную спальню через несколько дверей от комнат Тальбота с ситцевой отделкой! Но я уже говорила: любовь — страсть трусливая. Она сродни зубной боли: самые храбрые и сильные ей покоряются и громко воют от пытки. Не думаю, что Железный герцог постыдился бы признаться, что не любит рвать зубы. Я слышала о великом кулачном бойце, который лучше любого гения ринга выдерживал удары, но лишился чувств от первого прикосновения зубных щипцов. Джон Меллиш согласился остаться во Фелдене, а в сумерках отправился в гардеробную Тальбота, чтобы упрекнуть капитана в вероломстве.

Тальбот как мог старался утешить печального посетителя.

— На свете не одна женщина, — сказал он, когда Джон излил своё горе (сам он, лицемер, вовсе так не думал), — на свете не одна женщина, милый Меллиш. Найдётся немало прелестных, достойных девушек, которые были бы рады завоевать сердце такого человека, как ты.

— Ненавижу достойных девушек, — сказал мистер Меллиш. — Пропади моё сердце пропадом! Никто никогда его не завоюет. Я люблю её, люблю то прекрасное черноглазое создание внизу: у неё в глазах сверкают молнии, а ездит она, как молодой Челлонер в суконной амазонке. Я люблю её, Болстрод. А ты сказал, что она тебе отказала и ты уезжаешь из Брайтона восьмичасовым экспрессом. И не уехал! Тайком вернулся, сделал второе предложение, она согласилась — и, чёрт побери, это была нечестная игра!

Произнеся эту речь, мистер Меллиш рухнул на стул, заскрипевший под его тяжестью, и яростно принялся ворошить угли в камине.

Тяжело было бедному Тальботу оправдываться за то, что он добился руки Авроры. Не мог же он напомнить Джону Меллишу: если мисс Флойд согласилась выйти за него, то, возможно, потому, что предпочла его честному йоркширцу. Джон так на это вовсе не смотрел. Избалованного ребёнка обманом лишили самой желанной игрушки, к которой прилепилось его глупое сердце. Всё было так, словно он честно и открыто торговался с другом за отличную лошадь у Таттерсолла, а тот вернулся после аукциона и каким-то тайным способом перебил

его цену. Джон не мог понять, что в поведении Тальбота не было бесчестности, и крайне возмутился, когда тот осмелился намекнуть: пожалуй, благоразумнее было бы вовсе не приезжать в Фелден-Вудс.

Тальбот Болстрод избегал дальнейших упоминаний мистера Мэтью Гаррисона, торговца собаками. Первый спор влюблённых завершился победой Авроры.

Присутствие Джона Меллиша немало смущало мисс Флойд. Он безутешно бродил по большим комнатам, то и дело присаживался к столику — заглянуть в стереоскоп, взять роскошно переплетённый том и в мрачной рассеянности уронить его на ковёр; тяжело вздыхал, когда с ним заговаривали, и в целом был далеко не приятным собеседником. Горячее сердце Авроры тронул жалкий вид отвергнутого поклонника. Она раз-другой сама подошла к нему, заговорила о его скаковых лошадях, спросила, нравится ли ему охота в Суррее. Но от её слов Джон то краснел, то белел, его бросало то в жар, то в холод; с испуганным, мертвенным лицом он бежал прочь. Это выглядело бы смешно, не будь так мучительно искренне.

Вскоре, однако, Джон нашёл слушательницу, куда более сострадательную к его горестям, чем Тальбот Болстрод. Этой нежной, сочувственной слушательницей оказалась не кто иная, как Люси Флойд, к которой в своей беде обратился рослый йоркширец. Знал ли он, догадался ли благодаря чудесному ясновидению, что её печали похожи на его собственные, что из всех во Фелден-Вудсе именно она пожалеет его и терпеливо выслушает? В нём не было гордости, в этом открытом, мальчишеском, ребячливом добряке. Через два дня после приезда он всё рассказал бедной Люси.

— Вы, наверное, знаете, мисс Флойд, — сказал он, — что Аврора мне отказала. Да, конечно, знаете. Кажется, примерно тогда же она отказала и Болстроду. Но у иных мужчин нет ни на полпенни гордости: должен сказать, капитан поступил как проныра.

Проныра! О её кумире, обожаемом, полубоге, черноволосом и сероглазом божестве смеют так говорить! Она повернулась к мистеру Меллишу, и нежные щёки зажглись бледным гневным румянцем. Сказала: Тальбот имел право поступить так, как поступил; всё, что делает Тальбот, — правильно.

Как большинство людей с совершенно неразвитой способностью размышлять, Джон Меллиш умел довольно быстро замечать происходящее. Теперь его наблюдательность ещё обостряли та особая прозорливость сочувствия, то дивное ясновидение, о которых я говорила. В нескольких возмущённых словах, в гневном румянце он прочёл тайну бедной Люси: она любила Тальбота Болстрода так же, как он Аврору, — безнадёжно.

Как восхитился он этой хрупкой девушкой, боявшейся лошадей и собак, вздрагивавшей, если в натопленный холл прорывался зимний сквозняк, — и всё-таки сносившей свою ношу с таким тихим, безропотным терпением! А он, весивший четырнадцать стоунов, способный проскакать сорок миль напрямик под злейшим декабрьским ветром, был бессилен вынести своё несчастье. Его утешало смотреть на Люси и читать в слабых знаках и приметах, ускользнувших даже от материнского глаза, печальную повесть её неразделённой любви.

Бедняга Джон был слишком добродушен и бескорыстен, чтобы вечно отсиживаться в мрачной крепости отчаяния, которую воздвиг себе для жилья. В сочельник, когда во Фелдене устроили праздник главным образом для младших гостей, он сдался и присоединился к веселью. Стал мальчишкой похлеще самых маленьких: обжигал пальцы горящим изюмом, давал шумным игрокам в жмурки завязывать себе глаза, отбывал унизительные наказания в фантах, изображал поочерёдно трактирщиков, судебных приставов, полицейских, священников и судей в живых шарадах, поднимал на сильные руки малышей, желавших увидеть «самую вел-хушку ёлоски», и вообще старался быть приятным и полезным юным особам от трёх до пятнадцати лет. Наконец, под влиянием всего этого детского веселья и, быть может, двух-трёх бокалов мозельского, он отважно поцеловал Аврору Флойд под ветвью омелы, висевшей в большом холле Фелден-Вудса «только на этот вечер».

После этого мистер Меллиш окончательно потерял голову и до конца вечера был «не в себе»: произносил речи перед малышами за ужином, провозглашал здравие мистера Арчибальда Флойда и торговых интересов Великобритании девятикратным «ура», своим звучным басом запевал в хоре тоненьких голосов и обильно плакал — сам потом не зная отчего — за столовой салфеткой. Сквозь слёзы и хмель, при газовом свете, среди оранжерейных цветов он видел Аврору Флойд — ах, как прекрасна она была! — в простом белом платье, которое так ей шло, с венком искусственного падуба на голове. Колючие листья и алые ягоды сами собой складывались в корону. Право, думаю, даже тарелка из-под сыра превратилась бы в диадему, пожелай мисс Флойд надеть её на голову. Она была похожа на гения Рождества — нечто светлое и прекрасное, слишком прекрасное, чтобы являться чаще раза в год.

Часы били два пополуночи. Малышей давно унесли, закутанных в театральные плащи, ужасно сонных; кое-кто из них, боюсь, был под хмельком. Старшие гости удалились на покой; огни, за немногими исключениями, погасли, гирлянды увяли, все, кроме Тальбота и Джона Меллиша, разошлись. В красном свете двух догоравших каминов молодые люди ходили по длинной бильярдной и беседовали доверительно. Наступило рождественское утро — странно было бы в такое время враждовать.

— Влюбись ты в другую, Болстрод, — сказал Джон, схватив старого школьного товарища за руку и жалобно глядя на него, — я бы мог считать тебя братом. Она тебе больше подходит, в двадцать тысяч раз лучше подходит, чем её родственница. Ты должен был жениться на ней… из простой вежливости… я хочу сказать, как честный… ведь ты очень себя обязал своим вниманием… миссис Как-её-там… компаньонка… миссис Пауэлл… сама говорила. Ты должен был на ней жениться.

— Жениться! На ком жениться? — довольно свирепо воскликнул Тальбот, стряхивая горячую руку приятеля, отчего мистер Меллиш опасно качнулся назад, опираясь на каблуки лакированных сапог. — Кого ты имеешь в виду?

— Самую милую девушку во всём христианском мире… кроме одной! — воскликнул Джон, сцепив горячие руки и возведя затуманенные голубые глаза к потолку. — Самую прекрасную во всём христианском мире… кроме одной! Люси Флойд.

— Люси Флойд!

— Да, Люси, самая милая девушка во всём…

— Кто сказал, что я должен жениться на Люси Флойд?

— Она сказала… Нет, нет, я не это хотел сказать! Я хотел сказать, — мистер Меллиш перешёл на торжественный шёпот, — что Люси Флойд тебя любит! Она мне не говорила… о нет, помилуй Бог, ни слова об этом не сказала. Но она тебя любит. Да! — продолжал Джон, обеими руками отодвигая приятеля и разглядывая его, словно мысленно снимал мерку для костюма. — Эта девушка любит тебя и любила всё это время. Я не дурак и даю тебе честное слово: Люси Флойд тебя любит.

— Не дурак! — воскликнул Тальбот. — Ты хуже дурака, Джон Меллиш: ты пьян!

Он презрительно повернулся на каблуках, взял со столика у двери свечу, зажёг её и вышел из комнаты широким шагом.

Джон стоял, ероша руками кудри и беспомощно глядя вслед капитану.

— Вот какая награда человеку за великодушный поступок, — сказал он, сунув свою свечу в горящие угли и пренебрегая более лёгкими способами её зажечь. — Жестоко, но, должно быть, такова человеческая натура.

Тальбот Болстрод лёг в сквернейшем расположении духа. Неужели Люси любит его? Неужели этот болтливый йоркширец открыл тайну, ускользнувшую от капитанской проницательности? Он вспомнил, как совсем недавно желал, чтобы эта светловолосая девушка влюбилась в него, а теперь всё обратилось в смятение и тревогу. Дамой его сердца была Гвиневра, а бедная Элейна оказалась весьма некстати. В пятьдесят седьмом году дивная книга мистера

Теннисона ещё не вышла в свет, иначе бедный Тальбот, несомненно, сравнил бы себя с рыцарем, чья «честь корнями в бесчестье вросла». Был ли он бесчестен? Обязал ли себя вниманием к Люси? Обманул ли это нежное светлое создание? Пуховые подушки комнаты с ситцевой отделкой не дали покоя его усталой голове в ту ночь. Когда же он уснул на позднем рассвете, его посетили страшные сны: Аврора Флойд стояла на краю прозрачного пруда в лесном уголке Фелдена и показывала сквозь хрустальную поверхность на тело Люси, бледное и неподвижное среди кувшинок и густых водяных растений, чьи длинные стебли переплелись с прекрасными золотыми волосами.

В этом ужасном сне он услышал плеск воды, проснулся и обнаружил, что камердинер в соседней комнате разбивает лёд в ванне. Среди бела дня тревоги о бедной Люси рассеялись; он посмеялся над беспокойством, которое могло родиться лишь из собственного тщеславия. Что он такое, чтобы юные леди в него влюблялись? Какой же слабый глупец — хоть на минуту поверить пьяному вздору Джона Меллиша! Он выбросил из головы образ родственницы Авроры и отныне смотрел, слушал и думал только об Авроре. Она повезла его в бекенхемскую церковь в плетёной коляске и села рядом с ним в большой квадратной церковной ложе[1] банкира.

Увы, боюсь, он мало что услышал из проповеди в тот день. И всё же я утверждаю: он был добрым и благочестивым человеком, которому Бог даровал искреннюю веру; человеком, принимавшим всякое благо из Божьих рук с благоговением, почти со страхом. Склоняя голову в конце рождественской службы радости и благодарения, он благодарил небо за переполненную чашу счастья и молился о том, чтобы стать достойным такого блаженства.

Он смутно боялся, что слишком счастлив, слишком крепко привязался сердцем и душой к черноглазой женщине рядом. Если она умрёт! Если окажется неверна! От одной мысли ему стало дурно, закружилась голова. Даже в священном храме дьявол шепнул: существуют тихие пруды, заряженные пистолеты и прочие верные средства от подобных бед. Столь порочна, а не только труслива эта ужасная лихорадка — Любовь!

День был ясный и светлый; землю белил лёгкий снег, каждая линия изгороди и дерева резко вырисовывалась на холодной голубизне зимнего неба. Банкир предложил отослать экипажи и спуститься во Фелден пешком. Тальбот Болстрод подал Авроре руку, радуясь возможности побыть *наедине* с невестой.

Джон Меллиш шёл с Арчибальдом Флойдом, у которого йоркширец был особым любимцем; Люси затерялась в группе братьев, сестёр и прочей родни.

— Вчера мы так хлопотали с малышами, — сказал Тальбот, — что я забыл сообщить вам, Аврора: я получил письмо от матери.

Мисс Флойд подняла на него сияющий взгляд. Ей всегда было приятно слышать о леди Болстрод.

— Разумеется, новостей в письме почти нет, — прибавил Тальбот, — в Болстроде редко бывает о чём рассказывать. И всё-таки… да… одна новость касается вас.

— Меня?

— Да. Вы помните мою кузину Констанс Тревиллиан?

— Д-да…

— Она вернулась из Парижа, наконец завершив образование и, полагаю, овладев всеми искусствами, и приехала встречать Рождество в Болстрод. Боже мой, Аврора, что с вами?

По-видимому, ничего особенного. Лицо её стало белым, как лист почтовой бумаги; но рука на его локте не дрогнула. Может быть, присмотрись он внимательнее, нашёл бы её неестественно неподвижной.

— Аврора, что с вами?

— Ничего. Почему вы спрашиваете?

— Ваше лицо так бледно, словно…

— Наверное, от холода, — сказала она, содрогнувшись. — Расскажите о вашей кузине, этой мисс Тревиллиан. Когда она приехала в замок Болстрод?

— Она должна была приехать позавчера. Мать ждала её, когда писала.

— Леди Болстрод её любит?

— Не то чтобы особенно. Мать достаточно к ней расположена, но Констанс довольно легкомысленна.

— Позавчера, — сказала Аврора. — Мисс Тревиллиан должна была приехать позавчера. Письма из Корнуолла доставляют во Фелден вскоре после полудня, верно?

— Да, дорогая.

— Сегодня вы получите письмо от матери, Тальбот.

— Сегодня письмо? О нет, Аврора: она никогда не пишет два дня подряд, редко — чаще одного раза в неделю.

Мисс Флойд не ответила. До самого дома к её лицу так и не вернулся обычный цвет. Она почти не говорила, лишь коротко отвечая на расспросы Тальбота.

— Я уверен, что вы нездоровы, Аврора, — сказал он, когда они поднимались по ступеням террасы.

— Я нездорова.

— Но, дорогая, что с вами? Позвольте сказать миссис Александр или миссис Пауэлл. Позвольте мне вернуться в Бекенхем за врачом.

Она посмотрела на него с печальной серьёзностью в глазах.

— Глупый мой Тальбот, — сказала она, — помните, что сказал Макбет *своему* врачу? Бывают болезни, от которых нет лекарства. Оставьте меня. Вы и так скоро узнаете… очень скоро, полагаю.

— Но что вы хотите этим сказать, Аврора? Что может вас тревожить?

— Ах, что же! Оставьте меня, оставьте меня, капитан Болстрод.

Он схватил её за руку, но она вырвалась и побежала вверх по лестнице, к своим покоям.

Бледный и испуганный Тальбот поспешил к Люси.

— Аврора больна, Люси, — сказал он. — Ради Бога, ступайте к ней, узнайте, что случилось.

Люси тотчас повиновалась, но дверь комнаты мисс Флойд оказалась заперта. Она позвала Аврору, умоляя впустить её; в ответ молодая леди крикнула:

— Уходи, Люси Флойд! Уходи и оставь меня одну, если не хочешь свести с ума!

Глава 9. Как Тальбот Болстрод провёл Рождество

В тот день счастье для Тальбота Болстрода кончилось. Он бродил из комнаты в комнату, пока это занятие не утомило его не меньше, чем юную леди в «Призраке замка» Монаха Льюиса; тоскливо слонялся туда-сюда в надежде найти Аврору то в бильярдной, то в гостиной. Задерживался в холле под прозрачным предлогом рассматривания барометров и термометров, лишь бы услышать, как откроется или закроется её дверь. Казалось, в тот день в Фелден-Вудсе все двери непрерывно открывались и закрывались.

Повода пройти мимо покоев мисс Флойд у него не было: его собственные комнаты находились в противоположном углу дома. Но он задерживался на широкой лестнице, разглядывая декоративные картины на стенах и не видя ни единой черты в этих изделиях Уордор-стрит. Он надеялся, что Аврора появится за ленчем; однако унылая трапеза прошла без неё, а весёлый смех и приятные разговоры семейного собрания доносились к Тальботу словно издалека — через широкий океан сомнений и смятения.

Так он промучился весь день, не замеченный никем, кроме Люси: из своего дальнего кресла она украдкой следила, как он входит в гостиную и выходит. Ах, за сколькими мужчинами следят любящие глаза, света которых они никогда не замечают! О скольких заботится нежное сердце, чьей тайны они так и не узнают! Вскоре после наступления сумерек Тальбот Болстрод пошёл к себе переодеваться. До звонка было ещё далеко, но он решил одеться пораньше, чтобы непременно быть в гостиной, когда спустится Аврора.

Свечи он с собой не взял: на каминной полке в его комнате всегда стояли восковые.

В уютной спальне с ситцевой отделкой было почти темно: в камин недавно подбросили угля, и пламя ещё не разгорелось. Всё же на зелёном сукне письменного стола он различил белое пятно — письмо. Поворошил чёрную груду угля в решётке, и яркий огонь заплясал в трубе, осветив комнату как днём. Одной рукой он взял письмо, другой зажёг свечу на каминной полке. Письмо было от матери. Аврора Флойд предсказала, что он его получит. Что всё это значило? Весёлые цветы и птицы на обоях закружились вокруг, пока он разрывал конверт. Я твёрдо верю: приближение всякой беды мы предчувствуем каким-то полусверхъестественным чутьём, вещим инстинктом, который подсказывает, что именно это письмо или этот вестник несёт злую весть. Такое предчувствие испытал Тальбот Болстрод, разворачивая лист. Ужасная беда уже стояла перед ним — сумрачная тень с закрытым лицом, страшная, неясная, но она была *здесь*.

«Милый Тальбот! Я знаю, что письмо, которое собираюсь написать, огорчит и смутит тебя. И всё же долг мой от этого не становится менее ясен. Боюсь, помолвка с мисс Флойд глубоко затронула твоё сердце». Значит, дурные вести касались Авроры: сумрачная тень медленно поднимала чёрное покрывало, и за ним являлось лицо той, которую он любил больше всех на земле. «Но я знаю, — продолжалось безжалостное письмо, — что чувство чести — самая сильная сторона твоей натуры. Как бы сильно ты ни любил эту девушку прежде» — о Боже, она говорила о его любви в прошедшем времени! — «ты не позволишь слабости чувства заманить тебя в ложное положение. В жизни Авроры Флойд есть какая-то тайна».

Эта фраза стояла внизу первой страницы. Прежде чем дрожащая рука Тальбота Болстрода перевернула лист, все сомнения, страхи и предчувствия, когда-либо им испытанные, вспыхнули вновь с неестественной ясностью.

«Констанс Тревиллиан приехала вчера. Можешь представить себе, что за вечер речь зашла о тебе и мы обсудили твою помолвку».

Проклятье их пустой женской болтовне! Тальбот скомкал письмо и уже хотел отбросить его. Но нет, *надо* прочесть. Надо встретить тень сомнения лицом к лицу, вступить с нею в борьбу и победить, иначе на земле ему больше не будет покоя. Он продолжил чтение.

«Я сказала Констанс, что мисс Флойд воспитывалась на улице Сен-Доминик, и спросила, помнит ли она её. „Как! — ответила та. — Неужели та самая мисс Флойд, из-за которой был такой переполох? Мисс Флойд, которая убежала из школы?“ И рассказала мне, Тальбот: в июне прошлого года отец привёз к девицам Леспар некую мисс Флойд, а меньше чем через две недели после приезда она исчезла. Разумеется, её исчезновение вызвало большой шум и множество толков среди учениц: говорили, что она *убежала*. Историю старались замять, но ты знаешь, девочки всегда найдут о чём поболтать. Судя по словам Констанс, о мисс Флойд говорили весьма неприятные вещи. Ты же пишешь, что дочь банкира вернулась в Фелден-Вудс только в сентябре нынешнего года. *Где она была всё это время?*»

Дальше он не читал. Одного взгляда хватило, чтобы увидеть: остаток письма состоит из материнских предостережений и наставлений о том, как поступить в столь затруднительном деле.

Он сунул скомканную бумагу за борт и опустился в кресло у очага.

Значит, так и есть! В жизни этой женщины была тайна. Сомнения и подозрения, смутные страхи и недоумения, поначалу сдерживавшие его и заставлявшие бороться с любовью, не были беспочвенны. Для всех них имелись веские, достаточные основания — как и для всякого чутья, которое Провидение вкладывает в наши сердца. Чёрная стена поднялась вокруг него, навсегда отгородив от любимой; от женщины, которую он любил так неразумно и так страшно сильно; от женщины, за которую всего несколько часов назад благодарил Бога в церкви. А она должна была стать его женой, матерью его детей, быть может.

Он закрыл лицо холодными руками и громко зарыдал. Не презирайте его за эти капли муки: это были первые слёзы его взрослой жизни. С младенчества глаза его не увлажнялись. Боже, избави человека проливать такие слёзы больше одного раза в жизни! Агонию этой минуты нельзя пережить дважды. Хриплые рыдания рвали и терзали грудь, словно плоть рубили ржавым мечом; отняв мокрые ладони от лица, он удивился, что они не красны: ему казалось, будто он плакал кровью. Что делать?

Пойти к Авроре и спросить, что значит письмо? Да, путь достаточно ясен. Бурный поток надежды вновь нахлынул и смыл ужас. Почему он так готов ей не верить? Какой он жалкий трус, если подозревает её — девушку, чья прозрачная душа так свободно раскрылась перед ним, в чьём голосе каждый звук был правдой! Ведь в общении с Авророй он больше всего научился чтить её возвышенную прямоту. Он почти рассмеялся, вспомнив торжественное письмо матери. Как это похоже на простых деревенских людей, чья жизнь ограничена тесными пределами корнуоллской деревни, — из самой ничтожной мухи сделать слона! Что удивительного в случившемся? Избалованному ребёнку, своевольной наследнице надоела иностранная школа, и она убежала. Отец, не желая огласки девичьей выходки, поместил её где-нибудь ещё, сохранив глупость в тайне. Разве вся эта история от начала до конца не была совершенно естественной и правдоподобной, если учесть исключительные обстоятельства дела?

Он легко вообразил, как Аврора, пылая щеками и сверкая глазами, швыряет учителю французского в лицо заляпанную страницу упражнений и убегает из класса под хор сбивчивых восклицаний. Прекрасное, пылкое создание! Нет ничего, чем мужчина не сумеет восхититься в любимой женщине, — и Тальбот почти готов был восхищаться тем, что Аврора убежала из школы.

Пока капитан Болстрод мучился, прозвучал первый звонок к обеду. Поэтому, когда он отправился искать Аврору, держа за бортом письмо матери, коридоры и комнаты были пустынны.

Её не было ни в бильярдной, ни в гостиной. Наконец он нашёл её в маленькой внутренней комнате в дальнем конце дома, с выступом окна над парком. Комнату слабо освещала лампа под абажуром; мисс Флойд сидела у незанавешенного окна, положив локоть на мягкий подоконник, и смотрела на стально-холодное зимнее небо и побелевший пейзаж. Она была в

чёрном; лицо, шея и руки казались мраморно-белыми на мрачном фоне платья. Она застыла, как изваяние.

Когда Тальбот вошёл, она не пошевелилась и не обернулась.

— Дорогая Аврора, — сказал он, — я повсюду вас искал.

От звука его голоса она задрожала.

— Вы хотели меня видеть?

— Да, любимая. Я хочу, чтобы вы кое-что мне объяснили. Дело, несомненно, пустое, моя дорогая, и, разумеется, очень просто объяснимое. Но как будущий муж я имею право спросить, и я знаю, знаю, Аврора: вы ответите со всей откровенностью.

Она молчала, хотя Тальбот несколько мгновений ждал ответа. Он видел лишь её профиль, слабо освещённый зимним небом; не видел ни немой муки на юном лице, ни его мертвенной бледности.

— Я получил письмо от матери; в нём есть кое-что, что я хотел бы понять. Прочесть его вам, дорогая?

На ласковом слове голос его дрогнул. Впоследствии он вспоминал: это был последний раз, когда он обращался к ней с нежностью влюблённого. Настал день, когда ей понадобилось его сострадание и он отдал его без остатка; но эта минута прозвучала похоронным звоном Любви. В эту минуту разверзлась пропасть и разошлись скалы.

— Прочесть вам письмо, Аврора?

— Если угодно.

Он вынул из-за борта скомканное послание и, наклонившись к лампе, прочёл вслух. После каждой фразы ожидал, что Аврора прервёт его горячим объяснением; но она молчала до конца и даже потом не заговорила.

— Аврора, Аврора, это правда?

— Совершенная правда.

— Но зачем вы убежали с улицы Сен-Доминик?

— Я не могу вам сказать.

— И где вы были между июнем пятьдесят шестого года и нынешним сентябрём?

— Я не могу вам сказать, Тальбот Болстрод. Это моя тайна, которую я не могу вам открыть.

— Не можете сказать мне! Из вашей жизни пропало больше года, и вы не можете сказать мне, своему будущему мужу, как вы его провели?

— Не могу.

— Тогда, Аврора Флойд, вы никогда не сможете стать моей женой.

Он думал, что она обернётся к нему, величественная в гневе и негодовании, и желанное объяснение хлынет с её губ страстным потоком сердитых слов. Но она встала и, шатаясь подойдя к нему, опустилась на колени у его ног. Ни один другой поступок не мог бы внушить ему столько ужаса. Ему почудилось признание вины. Но какой вины? Какой? Что за мрачная тайна скрывалась в короткой жизни этого юного создания?

— Тальбот Болстрод, — сказала она дрожащим голосом, пронзившим ему душу, — Тальбот Болстрод, небо знает, сколько раз я предвидела этот час и страшилась его. Не будь я трусихой, сама заговорила бы об этом раньше. Но я думала… думала, что случай, может быть, никогда не представится. Или, если придёт, вы окажетесь великодушны… и… поверите мне. Если вы можете мне верить, Тальбот, если можете поверить, что эта тайна не совсем позорна…

— Не совсем позорна! — воскликнул он. — О Боже! Аврора, неужели я дожил до таких ваших слов! Вы думаете, в этих вещах бывают степени? Между мной и моей женой *не должно* быть тайн. День, когда между нами возникнет тайна или хоть её тень, должен стать днём вечной разлуки. Встаньте с колен, Аврора: вы убиваете меня этим стыдом и унижением. Встаньте! И

если нам суждено расстаться сейчас же, скажите, ради жалости скажите: мне незачем презирать себя за то, что я любил вас с силой, едва ли достойной мужчины.

Она не послушалась, только опустилась ещё ниже, почти съёжившись на коленях, пряча лицо в ладонях; капитану Болстроду были видны одни извивы чёрных волос.

Аврора просит ей поверить.

— Я с колыбели не знала матери, Тальбот, — сказала она сдавленным голосом. — Пожалейте меня.

— Пожалеть! — повторил капитан. — *Пожалеть!* Почему вы не просите *справедливости*? Один вопрос, Аврора Флойд, ещё один; быть может, последний, который я когда-либо вам задам. Отец знает, почему вы ушли из школы и где были те двенадцать месяцев?

— Знает.

— За это хотя бы слава Богу! Тогда скажите, Аврора… скажите только одно, и я поверю простому вашему слову так же, как клятве другой женщины. Одобрял ли он причину, по которой вы покинули школу? Одобрял ли вашу жизнь в течение тех двенадцати месяцев? Если можете ответить «да», Аврора, больше вопросов не будет, и я без страха назову вас любимой и почитаемой женой.

— Не могу, — ответила она. — Мне только девятнадцать, но за два последних года я успела столько натворить, что могла разбить сердце отца — лучшего отца, какой только дышал на земле.

— Тогда между нами всё кончено. Да простит вас Бог, Аврора Флойд; но, по вашему собственному признанию, вы не годитесь в жёны честному человеку. Я не желаю допускать никаких грязных подозрений, но прошлая жизнь моей жены должна быть белой незапятнанной страницей, которую волен прочесть весь мир.

Он направился к двери, затем вернулся, помог несчастной девушке подняться и подвёл к её месту у окна — учтиво, словно она была его дамой на балу. Их руки соприкоснулись с ледяным холодом рук двух мертвецов. Ах, как много смерти было в этом прикосновении! Сколько всего умерло между ними за последние часы: надежда, доверие, уверенность, любовь, счастье — всё, ради чего стоит держаться за жизнь.

Тальбот Болстрод задержался на пороге маленькой комнаты и заговорил ещё раз.

— Через полчаса я покину Фелден, мисс Флойд, — сказал он. — Лучше позволить вашему отцу думать, что размолвка возникла из-за какого-нибудь пустяка и что отказ исходил от вас. Я напишу мистеру Флойду из Лондона и, если угодно, составлю письмо так, чтобы навести его на эту мысль.

— Вы очень добры, — ответила она. — Да, пусть лучше думает так. Это, возможно, избавит его от боли. Небо знает, у меня есть причины быть благодарной за всё, что может это сделать.

Тальбот поклонился и вышел, закрыв за собой дверь. Её стук прозвучал для него зловеще. Он подумал о хрупком юном создании, покинутом сёстрами-монахинями в живой гробнице. Подумал: лучше бы оставить Аврору лежащей в гробу, прекрасной и неподвижной, чем так, как он оставляет её сегодня.

Резкий, дребезжащий звон второго колокола к обеду раздался, когда он из полутёмного коридора вошёл в яркий газовый свет бильярдной. Навстречу шла Люси Флойд в шуршащем шёлковом обеденном платье; бахрома, кружева, ленты и драгоценности трепетали и сверкали вокруг неё. Он почти возненавидел её за такой светлый, сияющий вид, вспомнив мертвенное лицо сражённого существа, которое только что покинул. В час крайнего горя мы способны быть ужасающе несправедливы. Боюсь, имей кто-нибудь смелость спросить у Тальбота Болстрода в эту минуту мнение о Люси Флойд, капитан объявил бы её сплошным легкомыслием и притворством. Открыв недостойность единственной любимой женщины на земле, вы, пожалуй, тоже ощутите злобу к множеству достойных людей вокруг. Вас охватывает ярость при мысли, что те, до кого вам нет дела, так хороши, а та, на которую вы положили душу, так дурна. Судно, куда вы погрузили все надежды сердца, затонуло, и вас бесит самый вид других кораблей, так гордо бегущих под ветром. При виде его лица Люси отшатнулась.

— Что такое? — спросила она. — Что случилось, капитан Болстрод?

— Ничего. Я получил письмо из Корнуолла, которое вынуждает меня…

Он не успел закончить фразу: глухой голос его стих до хриплого шёпота.

— Может быть, леди Болстрод… или сэр Джон… больны? — предположила Люси.

Тальбот указал на свои белые губы и покачал головой. Жест мог означать что угодно; говорить он не мог. Холл был полон гостей и детей, шедших к обеду. Сегодня малышам позволили обедать со взрослыми — особая праздничная милость и привилегия. Дверь столовой была открыта, и Тальбот смутно различил седую голову Арчибальда Флойда в конце длинной перспективы огней, серебра, стекла и вечнозелёных ветвей. Вокруг старика собрались племянники, племянницы и их дети; но место по правую руку, предназначенное Авроре, пустовало. Капитан Болстрод отвернулся от ярко освещённой картины и взбежал по лестнице к себе. Там ждал слуга с разложенной одеждой хозяина, недоумевая, почему тот не пришёл переодеваться.

Увидев лицо Тальбота, мертвенное в свете восковых свечей на туалетном столике, слуга отступил.

— Я уезжаю, Филмен, — сказал капитан очень быстро, густым, невнятным голосом. — Сегодня ночным экспрессом в Корнуолл, если успею в Лондон к поезду. Соберите вещи и следуйте за мной. Догоните меня на Паддингтонском вокзале. Я дойду до Бекенхема и сяду на первый поезд в Лондон. Вот, раздайте за меня слугам, хорошо?

Он вынул из кармана горсть золотых и серебряных монет вперемешку и высыпал их в ладонь слуги.

— Надеюсь, в Болстроде всё благополучно, сэр? — сказал тот. — Сэр Джон не болен?

— Нет, нет. Я получил письмо от матери… я… найдёте меня на Великой Западной.

Он схватил шляпу и поспешил из комнаты, но слуга пошёл следом с пальто.

— В такую ночь вы насмерть простудитесь, сэр, — сказал он с почтительным упрёком.

Когда Тальбот пересекал холл, банкир стоял у дверей столовой. Он посылал слугу поискать дочь.

— Мы все ждём мисс Флойд, — говорил старик. — Не можем начать обед без мисс Флойд.

Незамеченный в суматохе, Тальбот тихо открыл большую дверь и вышел в холодную зимнюю ночь. Длинная терраса сияла огнями высоких узких окон, как в тот вечер, когда он впервые приехал во Фелден. Впереди лежал парк: голые безлистные деревья, земля, выбеленная тонким слоем снега, над ней серое беззвёздное небо — холодный, пустынный простор, унылая противоположность оставленным позади теплу и свету. Всё это было образом перелома в его жизни. Он покидал тёплую любовь и надежду ради холодного смирения или ледяного отчаяния. Спустился с террасы, пересёк опрятные садовые дорожки и вошёл в широкий таинственный парк. Длинная аллея была призрачна в сером свете; узор переплетённых ветвей над головой бросал чёрные тени, колебавшиеся на белой земле под ногами.

Он прошёл четверть мили, прежде чем оглянуться на освещённые окна. Не оборачивался, пока изгиб аллеи не вывел его к месту, откуда можно было увидеть слабо освещённый выступ окна комнаты, где осталась Аврора. Долго стоял, глядя на тусклый свет, и думал — о том, что потерял, или о том, чего, быть может, избежал; о том, какой теперь будет жизнь без этой женщины; о том, что предпочёл бы быть беднейшим пахарёнком бекенхемского прихода, а не наследником Болстрода, лишь бы прижать любимую к сердцу и верить в её правдивость.

Глава 10. Борьба

Новый год начался в Фелден-Вудсе печально: Арчибальд Флойд встретил его у постели единственной дочери.

В вечер отъезда Тальбота Аврора заняла своё место за длинным обеденным столом. После страшного объяснения в комнате с выступом окна её поведение ничем не изменилось — разве что она была чуть живее и блистательнее обычного. Она беседовала с Джоном Меллишем, играла и пела младшим родственникам, стояла за спиной отца, заглядывая в его карты при всех превратностях роббера в длинный вист. А наутро горничная нашла её в жестокой горячке: щёки горели, глаза налились кровью, длинные пурпурно-чёрные волосы спутались и разметались по подушкам, сухие руки обжигали при прикосновении.

Телеграф вызвал из Лондона двух серьёзных врачей: до полудня они уже были во Фелдене. К вечеру дом опустел; остались лишь миссис Александр и Люси, чтобы помогать ухаживать за больной. Врачи из Вест-Энда говорили мало. Для них это была такая же горячка, как всякая другая. Молодая леди, вероятно, простудилась; проявила свойственную молодым неосторожность и внезапно переохладилась. Скорее всего, разгорячилась танцами, посидела на сквозняке или съела мороженое. Непосредственной опасности не было. У больной крепкий организм, удивительная жизненная сила; при тщательном лечении она скоро поправится. Тщательное лечение означало ежедневное посещение каждого из учёных джентльменов по две гинеи за визит; хотя, выскажи они свои сокровенные мысли, пожалуй, признали бы: насколько им известно, Авроре Флойд нужно лишь, чтобы её оставили в покое в затемнённой комнате и дали самой одолеть болезнь. Но банкир призвал бы к ложу дочери всю Сэвил-роу, если бы этим мог избавить её хоть от мгновения боли. Он умолял обоих врачей приезжать во Фелден дважды в день, если нужно, и звать других докторов при малейшей тревоге за больную.

Аврора бредила, но бред выдавал немногое. Я не очень-то верю, что в горячке люди часто произносят те милые, чувствительные, связные исповеди, какие с такой щедростью приписывают им романисты. В жестокие минуты лихорадочного безумия мы бредим глупостями. Мучаемся, потому что в комнате человек в белой шляпе, или на одеяле чёрная кошка, или по постельным занавесям ползут пауки, или угольщик *непременно хочет* положить нам на грудь мешок угля. Бредовые фантазии похожи на сны: у них мало общего с печалями и радостями, составляющими нашу жизнь.

Поэтому Аврора Флойд говорила о лошадях и собаках, учителях и гувернантках; о детских горестях, мучивших её много лет назад, и девичьих удовольствиях, о которых в здравом уме совсем забыла. Она редко узнавала Люси и миссис Александр, принимая их за самых невероятных людей, но отца никогда не забывала вполне: по-видимому, всегда чувствовала его присутствие и непрестанно обращалась к нему, умоляя простить какой-нибудь детский проступок тех ушедших лет, о которых столько говорила.

Джон Меллиш поселился в гостинице «Грейхаунд» на кройдонской Хай-стрит и каждый день ездил в Фелден-Вудс. Оставлял фаэтон у ворот парка и шёл к дому пешком наводить справки. Слуги приметили бледность рослого йоркширца и тотчас решили, что он «неравнодушен» к их барышне. Он нравился им куда больше капитана Болстрода, который для них был слишком «важный» и «гордый». Являясь в притихший дом, где Аврора лежала в окружении любящих друзей, Джон раздавал полсоверены направо и налево. Удерживал за петлицу отворившего лакея и с радостью заплатил бы ему по полкроны за каждую минуту, пока тревожно расспрашивал о здоровье мисс Флойд. Потому в людской Фелдена мистеру Меллишу горячо сочувствовали. Его слуга рассказал домашним банкира, что он лучший хозяин в Англии, а Меллиш-Парк — своего рода земной рай, устроенный на благо верных слуг. Слуги мистера Флойда желали, чтобы их барышня поправилась и вышла за «светленького», как они назы-

вали Джона. Они заключили, что между мисс Флойд и капитаном случилась «размолвка», а он уехал, надувшись. Наглость с его стороны, ведь у барышни со временем будут сотни тысяч фунтов и она достойна герцога, а не какого-нибудь нищего офицера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.